

ВЕКТОР

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

НИКИТА ЧИРКОВ

18+

Вектор

Никита Чирков

Вектор: Жизнь и смерть

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Чирков Н. В.

Вектор: Жизнь и смерть / Н. В. Чирков — «ЛитРес: Самиздат», 2020 — (Вектор)

Когда-то имя Портера Уитмана было одним из самых громких в мире журналистики. Бравшемуся за самые горячие и неоднозначные темы, бескомпромиссно следовавшему цели раскрывать заговоры и освещать события, ему всегда удавалось достичь результата. И вот вместе со своей небольшой командой он смог найти доказательства того, что станция Вектор, ранее числившаяся пропавшей, на самом деле все еще функционирует. Более того, они даже нашли ее и смогли попасть внутрь — но встретили их уже давно не люди... Раскрытие тайны исчезновения крупнейшей станции по изучению внеземной Жизни стало бы величайшим достижением в карьере Портера Уитмана — однако судьба распорядилась иначе: он остался один, без возможности побега, без шанса на помощь извне. Отныне Портер — последний человек на Векторе. Содержит нецензурную брань.

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	11
ГЛАВА 3	15
ГЛАВА 4	20
ГЛАВА 5	24
ГЛАВА 6	27
ГЛАВА 7	30
ГЛАВА 8	34
ГЛАВА 9	39
ГЛАВА 10	43
ГЛАВА 11	47
ГЛАВА 12	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Никита Чирков

Вектор: Жизнь и смерть

ГЛАВА 1

Если бы не отметки на стене, которые Портер Уитман внимательно рассматривает каждый раз, когда встает в полный рост с кровати, определить начало нового дня, как и дату с месяцем, было бы крайне проблематично по самой обычной причине – недоверия в этом вопросе цифровым устройствам. Белым маркером он расчерчивал простую схему из горизонтальных и вертикальных линий на уровне глаз и тем же цветом помечал каждый оставленный позади день обычным перекрестием. Сделав это снова, как и во все предыдущие дни, не сильно отличавшиеся событиями и задачами, вернул маркер в стакан, стоявший с краю стола, который упирался в угол комнаты слева от календаря.

Наручные часы подали признаки жизни кратким импульсом вибрации на его правом запястье, попутно добравшись до его ушей кратким сигналом. Обычно в это время, равное десяти часам утра земного, он должен был бы проснуться сам, но сегодня это случилось разочаровывающе несколько ранее. Без будильника или внешних факторов глаза распахнулись сами. Первая мысль, закрававшаяся после понимания раннего подъема, заключалась в потере ориентации во времени и пространстве: все же он мог перетрудиться, запутаться или попросту потерять над собой контроль, как уже случалось. Об этом всегда приходилось помнить, дабы заранее определять подкатывающее смятение и некий эквивалент глубокого опьянения.

В своей комнате он разместил трое часов, а за ее пределами, на своем так называемом рабочем месте, – еще двое. Все они показали верное время, идеально повторяя его личные часы и дату на них, которую он редко проверял: ведь поправить электронные цифры легче и незаметнее, нежели нарисовать на стене новые линии, изменения которых без его ведома сразу станут заметны. Время для него – это первый и, пожалуй, самый важный ресурс, и потеря контроля над ним может привести к невероятно плачевным и страшным последствиям. К счастью, сегодня был не тот день. Он просто раньше проснулся, вот и все. Так бывает со многими людьми во всем мире, да и с ним бывало не раз – бояться вроде бы нечего. В обычной жизни придать этому значение было бы чем-то странным – здесь же, наоборот, такое надо замечать и контролировать. Но, несмотря на то что все обошлось без казусов, в каком-то потаенном месте своего ума он всерьез пожалел об этом. Ведь случись по любой из причин нарушение дисциплины и режима, выстроенного им самолично, – сегодняшний день, возможно, все же отличался бы от предыдущих, привнесся хоть какое-то, пусть и крайне малоощутимое, но все же разнообразие.

В потолок встроены две лампы, как раз параллельно кровати. Ту, что была над ней, он отключил, вторую, идеально освещающую календарь, вынудил работать всегда, успев привыкнуть спать с включенным светом, дабы в любой момент узреть присутствие того, из-за кого он разместил по комнате как огнестрельное, так и холодное оружие. На столе, в шкафу, под кроватью и у двери были не только ножи, но и по пистолету с автоматическим оружием – чего-чего, а безопасности много не бывает.

Сев обратно на кровать, глядя снизу вверх на календарь, вновь видя краткие признаки умирающей лампы, он сразу же взял в руки короткоствольный многозарядный дробовик, всегда лежавший у подушки, хотя многие ночи, одни из самых тревожных, вынуждали его засыпать чуть ли не в обнимку с оружием самозащиты. Причем спал он всегда в одежде, не позволяя застать себя врасплох. Да и здесь было не то чтобы тепло, так что он периодически менял

элементы одежды, выбирать которые приходилось из двух вариантов. Портер поначалу даже старался стирать ее в раковине, но, вполне ожидаемо, вскоре ему уже стало наплевать на гигиену и комфорт. Явно не в том месте он находится, чтобы тратить на эту роскошь время. Встав с кровати, не допуская лишних мыслей раньше времени, закрепил обе кобуры с ножами: одну на пояс, другую же – наискось в области груди.

Медленно и плавно, терпя с каждым днем увеличивающуюся боль, приходилось разминать левую руку: начиная с неприятно шелкающих пальцев, заканчивая предплечьем. Правда, справиться с дискомфортом в виде всплывающей без предупреждения боли и тремора у него получается значительно лучше, нежели со страхом перед снятием перчатки и оголением кожи...

Выход находится справа от него, и, несмотря на то, как мало тут было места, для шкафа, назначение которого ныне ближе к сейфу, нежели к складу одежды, место нашлось – прямо напротив стола, у подголовника кровати. Выйдя за эти самые двери, створки которых с некоторым уже привычным скрипом спрятались в стены слева и справа, он первым делом осмотрелся, не решаясь перекрыть вход в свое убежище, пока не будет уверен в безопасности рабочего помещения.

Идеальная тишина, где можно было расслышать биение сердца, была первым важным доказательством безопасности для него – или же, наоборот, началом охоты, где спрятавшееся существо наконец дождалось прихода жертвы, оправдывая вынужденное терпение. Теплое освещение присутствовало лишь слева и справа, оставляя центральную часть зала в полутьме. Так же как и в его комнате, источники света работали всегда, и, так же как и там, лампы все чаще и чаще намекали ему на свою усталость. Все это место было метров пятьдесят длиной и тридцать шириной. Дабы здесь не обосновались ненужные гости, Портер смог по максимуму сузить все вентиляционные каналы, прикрутив уплотнение к крышкам и оставив лишь небольшие отверстия, из-за чего сам воздух здесь казался несколько затхлым. Но к этому он уже привык – в отличие от страха того, что он может попросту умереть, если вдруг вся вентиляция будет перекрыта... возможно, неким монстром, возжелавшим сделать себе там гнездо, или же, что порой кажется ему даже приемлемым исходом, Вектор перестанет вырабатывать кислород, а баллонов и костюма у здесь него нет.

Держа крепко в руках оружие, борясь с назойливой болью в левой руке, практически машинальными движениями он проверил все углы, все двери и каждый сантиметр, убеждаясь в отсутствии тех, кого он не видел и не слышал уже несколько дней. Справа от входа была глухая стена, где некогда открывающаяся дверь, ведущая к лифту в нижние уровни, сейчас скорее напоминала нетронутую временем картину. В углу, между дверью и им, было помещение туалета и раковины, дающей ему воду. Прямо напротив логова во всю широкую стену красовался вид открытого космоса со светлыми и далекими точками. За бронированным стеклом и встроенной посреди дверью было небольшое помещение смотрового характера, куда могли приходиться люди и наслаждаться видом космического простора. Но более такое не представляется возможным – только если нет желания покинуть эту станцию нетрадиционным путем. Из-за направленной агрессии случилась разгерметизация, навсегда лишив то место уникальной магии, оставив лишь огромную дыру в стекле и острые торчащие осколки прямо за дверью, что была напротив его выхода из комнаты. Слева от Портера было пространство на пару метров больше, нежели справа. Там еще одна дверь вместе с компьютерными терминалами и кое-какой мебелью, которую кто-то туда принес еще до него. Он использовал ее в первое время для обеденного стола и небольшого склада провианта. Продлилось такое применение недолго: ведь в месте, где еда в приличном дефиците, было лишь вопросом времени, когда существа меньшие, способные протискиваться в вентиляцию, оправдают наличие у себя обоняния, ведущего их к его запасам.

Еще одна мысль, подобная той, которая посетила его в момент проверки времени, снова дала о себе знать – но уже напоминала скорее некий зуд, приблизивший его к раздражению. Все было просто: появись что-либо из здешней фауны, жаждущей его смерти не из-за гнева или личных обид, а попросту желая наполнить желудок, – тогда ему бы запомнился этот день хоть чем-то, хоть каким-то событием, достойным отметки на календаре. Вот уже пять дней не было ни одного живого существа, некогда бывшего человеком или одним из привычных животных, занимавших место на станции Вектор не только для создания уюта и ощущения сотрудниками дома, но и для научных экспериментов. Несмотря на попытки оградиться от незваных гостей с зубами и клыками, все же не раз бывали случаи проникновения на его территорию, которую, к слову, не он выбирал в свои личные апартаменты.

Убедившись в отсутствии малоприятных созданий, Портер захотел сделать несколько выстрелов – хоть куда-то, хоть во что-то. То ли преследуя цель развлечь себя, то ли желая убедиться в собственных силах, он так этого хочет, что, игнорируя боль, сжимает левой рукой дуло со всей силой, пока тарабанит указательным пальцем по курку, имеющей меньший предел упругости, уже бы отработал свое назначение. Находясь под давлением от очередного до зуда в затылке, предсказуемого и словно повторяющегося из раза в раз дня, Портер почти срывается и, топчась на месте, позволяет мышцам рук сокращаться, не находя им окончательного положения, используя оружие как нечто такое, что хочется сломать, согнуть или смять под всеми доступными углами. Злясь и гневаясь на все, буквально все, словно эта пустота вокруг сдавливает его и кажется, будто он – часть какой-то жестокой шутки, смысл которой невозможно понять. Ведь если это и шутка, то безумно злая и совершенно несправедливая. В любом случае – если он и заслужил это, то явно расплатился уже сполна.

Вполне ожидаемо, что после громкого, разрывающего горло и мучающего легкие крика, призванного выпустить ярость, с чем он справляется отлично, чуть ли не падая на колени от потери контроля над собой, наступает то чувство, которому он всегда рад, – голод. Как и положено по распорядку дня, он ощущает урчание в животе, которое, на удивление, позволяет снова познать нечто хорошее и приятное, в какой-то мере заслуженное: ведь экономия ограниченного запаса еды повышает ее ценность.

Лишь утро и вечер по его личному графику стали приятным временем потребления пищи, взяться которой более неоткуда, во всяком случае пока что – над этим вопросом он еще работает. Конечно, ее мало, приходится ужиматься до небольших порций на два раза в день, и впору бы отловить одного из здешних монстров, используя навыки предков, – но таковых не было давно. Да и он пока не готов отдаться примитиву существования. По его расчетам, собранной ранее из столовых Вектора еды должно хватить еще на месяц. Уж за это время, уверен он, получится, возможно, не только найти дополнительный провиант, но и, в мечтах, конечно же, найти выход. И это – главным образом сдерживающий фактор, с одной стороны, позволяющий не отвлекаясь делать свою работу, а с другой – лишаящий его риска встретить свою смерть.

Изначальная идея отправки секретной информации представителям журналистики и по совместительству коллегам всецело лежит на его плечах. Ведь правду, приведшую не просто к трагическим, но и к крайне невыносимым по своей извращенности жертвам на исследовательской станции Вектор, не сможет сформулировать и переслать никто, кроме него. Причина этого кроется не в наличии совести или добрых намерений, и уж точно не в жажде выгоды или наживы – а в самом простом и в то же время пугающем факте: он один на этой станции – последний человек. Прибыв сюда слишком поздно, Портер сразу же столкнулся с последствиями ужасного эксперимента, предпринятого благородными мотивами, но оставившего после себя лишь страшные последствия и худшие проявления как человеческого вида, так и животного.

А вот причина, по которой он остался взаперти, но не в пределах огромной станции Вектор, потерянной в глубине космоса, а всего лишь этой комнаты связи, зачастую казалась ему несправедливой. И не было тех слов, которыми он не вспоминал повесившего замки человека, заведомо позаботившегося о том, чтобы дать понять, почему было принято такое решение в отношении Портера. История жизни последнего человека, с которым общался Портер, дала множество ответов о причинах происходящего, раскрыла немало тайн станции, открыла немало дверей... Но лишь одну оставила запертой – за которой крылся ответ на вопрос: правда ли было все то, что произошло с ним? Поначалу Портер не верил ему, ибо принятие за истину долгой и трагичной истории пребывания этого странника на Векторе означало согласие с его решением изолировать недавно прибывшего журналиста – следовательно, это станет подтверждением собственных, как он это называет, «недугов», что лишь ждут времени, чтобы проявить себя. А «недуги» эти могут проявляться в крайне разных и необъяснимых формах, опасность которых не просто не меньше, а несоизмеримо больше, чем от любого врага, которого только можно встретить на Векторе. Тогда все произошло быстро: Портер занял это место для того, чтобы отправить весь компромат и потом убраться со станции, – но его заперли, о чем ему стало известно слишком поздно. Гнев в адрес того человека не то что бы уж быстро, но все же постепенно сменился на понимание. Дело было не в принятии фактов и понимании нынешнего положения, где шансов выжить больше, если избавиться от слепого гнева в угоду контролю и дисциплине: куда более основополагающим фактором правоты изоляции журналиста послужило то, что все же Портер оказался здесь не одинок...

«Они придут», – закрепляет он эту мысль у себя в голове. Ему все с большим трудом удается вспомнить их первый визуальный и слуховой контакт, словно его и не было никогда, а они всегда были здесь, с ним, с самого начала пребывания на научной станции, вплоть до момента, когда он оказался заперт. Но кое-что он точно помнил: как перестал переживать по этому поводу, просто приняв это за естество жизни, контроля над которым у него, к сожалению, нет. Раз уж такое происходит, то его упрямство встретит это и примет практически назло – вот только назло кому именно? Но пока этого не произошло вновь, все свои силы он предпочитает направить на простые по меркам этого места занятия.

Вернувшись в свою комнату, Портер взял из шкафа герметично упакованный готовый обед – всего лишь небольшой контейнер, вмещавший в себя замороженную смесь из мяса и крупы. Чаше всего это была овсяная каша – но он не придирчивый, да и подобный рацион содержит все необходимое, как когда-то закрепил в нем отец.

У двери в смотровую, расположенную почти по центру, стоят маленький стол и стул, приставленный одной стороной вплотную к границе с космосом. Портер подошел к раковине, как всегда, обязательно закрыв за собой дверь, и его вновь настиг короткий страх перед нажатием на кнопку, дабы налить в раскладной стакан холодной воды. Ее возможное отсутствие пугало его так же, как и нападение хищников на его единственный запас еды. Когда она полилась так же бесперебойно, как и всегда, он выдохнул с ощутимым облегчением: все же сделанные запасы воды не вечны, отчего ресурс этот крайне ценен. Бегло осмотрев себя и умыв лицо простой водой, он посмотрел в не самое чистое зеркало. Не было ни мыла, ни чего-либо подобного, так что считать себя чистым – это обманывать себя. «Ну и плевать, – думал он, – уж какой есть». Волосы успели несколько отрасти после последней, крайне непрофессиональной стрижки ножницами, борода была приличной. «Стоит, наверное, все же подкоротить», – думал Портер. «Хотя какая разница, как я выгляжу, я же не на показе сраной моды!» – вновь пронеслось у него в голове, отчего горделивая улыбка подняла ему настроение.

Портер разогрел контейнер в небольшой печи, хранившейся в его логове под кроватью, чье тепло порой согревало его, и наконец-то сел за стол, положив дробовик себе на ноги. Глядя в бескрайние, практически завораживающие просторы мира за пределами станции, твердой рукой он делил бесцветную смесь на дольки, после чего неспешно помещал каждую в рот и так

же неспешно кушал, стараясь уловить хоть какие-то вкусовые ощущения, наслаждаясь каждым глотком пищи и воды, чуть ли порой не считая количество движений челюсти. Девять долек, практически идентичные по всем параметрам, символизировали отсчет времени до момента, когда вид манящего своим таинством бескрайнего космоса придется сменить на узнаваемый до миллиметра его личный дом, покинуть границы которого он не в состоянии.

Словно сбегая с Вектора, пусть и не на долгое время, он блуждал среди звезд и представлял виды разных планет, которые в его воображении вызывали хоть какие-то приятные чувства, да и хорошее дополнение к трапезе не помешает. Музыка с доступных ему КПК он уже заслушал до дыр, да и не был ее фанатом. А чтение литературы поначалу хоть и оправдывало себя по полной, в итоге сильно стало напоминать повседневную работу, отдых от которой оказался невероятно важен, дабы не перегореть. Порой казалось, словно он тонет в звездах, будто бы вокруг него и нет никаких стен, как и самого тела. Казалось, подобное должно сломать человека, всерьез искажая восприятие реальности, – но именно на Векторе, не без особых, уникальных для этого места условий, подобная слабость была лишь каплей в море – безобидной и невреждающей, потому что на станции были куда более опасные рычаги влияния на его видение мира.

По возвращении он почти всегда чувствовал себя более отдохнувшим, почти как после крепкого и приятного сна, – который периодически, причем все чаще и чаще, оборачивался личным кошмаром, что абсолютно заслуженно и справедливо будет преследовать его до самой смерти. Сон, а точнее, мучающий кошмар, сопровождающийся сильнейшим эмоциональным осадком как во время, так и после, являлся не менее важным для его выживания, чем те же еда или вода. Но причину этой важности Портер пока не способен принять всецело и честно.

Вымыв очень тщательно контейнер в раковине, избавляясь от лишнего запаха (ведь уже давно он не оставляет ни одного кусочка, а с недавних пор даже тщательно вылизывает всю тару), Портер аккуратно убрал его в угол своей комнаты, в остальную стопку. Выйдя, он закрыл дверь в свое логово и, вновь прислушавшись, все так же не слышал ничего, кроме периодических непонятных всплесков где-то за пределами его дома, вполне подходивших для определения галлюцинаций. В такие моменты он вновь чувствует странный страх перед теми, кто когда-то, возможно, все же прилетит сюда, чтобы спасти его, чтобы дать новую жизнь...

С неожиданной для себя тяжестью он сел за центральный компьютер, игнорируя до конца дня все взгляды направо, в сторону космоса, что все чаще казалось тем самым отчаянным и беспроигрышным выходом. Первым делом Портер проверил последнюю отправку, запущенную вчера перед сном. Пакеты данных были большими, а расстояние – еще большим. Все же принимающая сторона не сразу могла получить такой объем, даже несмотря на сортировку, которую Портер проводил лично. И вот сейчас, убедившись в том, что связь не была потеряна и отправка прошла без сбоев, если верить компьютеру, он вновь открывает файлы станции Вектор с серверов. Поначалу он лишь копировал данные с жестких дисков, которые собственноручно достал из архивов станции, и сразу же пересылал своим людям на отдельный спутник телекоммуникационной компании, где работал журналистом уже долгих десять лет. Но с недавних пор копирует сначала на компьютер, а потом уже напрямую к серверу. Эта работа и привела его сюда изначально, ведь не каждый день удается узнать о том, как объявленную уничтоженной естественными силами космоса крупнейшую станцию по изучению внеземных объектов на самом деле просто прятали от мира в совершенно другом месте, нежели там, где она должна была быть. В то же самое время, пока тысячи оплакивали работавших здесь близких и родных, Вектор был полигоном для научных тестов первого в истории человечества найденного в космосе образца внеземной Жизни. Настоящая сенсация, о которой мечтает каждый журналист, но о которой никто за пределами станции так и не узнал, – вплоть до прилета Портера, разумеется.

Рутинa вновь заняла большую часть его дня, но сегодня вмешательство в его одиночество случилось заметно ранее, нарушая, как он всегда думал, некую тенденцию.

– Ты сегодня плохо выглядишь, – сказал голос, некогда казавшийся забытым, вопреки отсутствию скорби потери. Каждый раз Портер уверенно чувствовал отсутствие их активности, словно сам воздух был несколько чище, а свободного пространства – чуть больше. И каждый раз, когда они приходили, все реже получалось понять, хорошо это или плохо.

ГЛАВА 2

– Что будет сегодня? – спросил Портер, не обращая внимания на визуальное наличие собеседника, опираясь лишь на слух.

– Не понимаю этого вопроса, выразишься точнее.

Портер усмехнулся, сам не веря тому, насколько серьезным и ответственным может быть бессмысленный диалог, словно от этого зависит чуть больше чем ничего.

– Да я хочу знать, какой сценарий будет сегодня, вот и все.

Ответа не последовало. Взглянув в глаза оппонента, с интересом наблюдающие за ним в паре метров, Портер нехотя решил уточнить:

– Ты будешь вновь осуждать меня, или все же повезет, и мы ограничимся пустозвонием?

Взрослый мужчина, лет сорока пяти, невысокий, где-то метр шестьдесят, с небольшим выпирающим пузом смотрел на Портера спокойным, но в весомой мере сильным взглядом. Точно как тот, в чьих руках есть контроль над всем миром и собой, позволяющий не бояться ничего, зная все шаги наперед, с удовольствием наблюдающий за тем, как его пытаются обмануть или обхитрить, ведь самому интересно, может ли такое произойти.

– А что бы ты хотел, будь на моем месте?

Портер ненавидел этот взгляд.

– Довольно глупый вопрос, тебе не кажется? – постарался Портер сдержать свой гнев, используя надменный тон, ответной реакции на который замечено не было, будто бы оппонент, как и прежде, задолго до Вектора, видел его насквозь и не позволял подрывания авторитета.

– И все же ты позволяешь мне быть здесь, хотя есть немало людей, чьим лицам и чьему голосу ты предпочел бы меня. Этот факт дает часть ответа на тот вопрос, который ты боишься задавать вслух.

– Да, вот тут ты прав. – Портер ненавидел такие моменты, как и всегда ненавидел себя еще больше, когда по истечении их понимал, насколько легко он ведется на провокацию к конфликту с этим человеком, всегда заведомо зная о проигрыше. – Я был бы рад многим, очень и очень многим, но почему-то твоей компании я все чаще уделяю время. Знаешь, поначалу это было своего рода инстинктивным инструментом для мотивации в этом ненавистном мне месте, где, опусти я руки, уже был бы мертв, чего, как известно нам обоим, ты учил меня никогда не делать. Я отлично запомнил это – настолько, насколько теперь не могу понять: ты лишь часть моей памяти – или же я более не в силах контролировать свой разум, а значит, и тебя, отец.

Непоколебимый характер все так же стоял на месте, выделяющийся на фоне окружения чуть более иным цветом с идеальным опрятным видом. Длинные, уложенные назад, немного жирноватые черные волосы, морщинистая кожа на широком лице, глубоко посаженные зеленые глаза и короткая седая борода, прикрывающая два небольших подбородка, – все это в купе с идеальной формой полицейского никогда не было примером идеального мужчины для Портера. Но каждый его взгляд, каждое движение и слово имели огромную силу, совладать с которой у него окончательно так и не получилось.

– Ты можешь ненавидеть меня сколько хочешь, твой выбор, но ты жив – это главное!

– Я очень рад, что ты сказал это, особенно в твоем самовлюбленном тоне, которым ты доказываешь всем и каждому, кто оказался прав. Всегда одинаковый, как был, таким, видимо, и останешься в моей памяти.

Портер пристально смотрел на отца, который из-за своей непоколебимости будто бы замер на месте, не имея ни единого признака жизни или возможности проявить ее.

– Знаешь, а ведь именно это и радует меня больше всего, ведь дает понять: ты – все еще больше воспоминание, нежели галлюцинация, которая могла появиться то ли от той заразы,

которой я дышу в этом месте, то ли от одиночества... Тот факт, что ты все тот же человек, которым я тебя запомнил, доказывает отсутствие самостоятельности моего разума, если можно так выразиться. Хотя какая разница, уже не важно, как я говорю и что, пошло оно все на хер! А ты все молчишь – это хорошо, значит, я пока еще не пересек черту, за которой не могу отличить реальность от вымысла, а безумие от истины.

И тут, словно удар электрошока в самом мозгу, Портера передернуло изнутри, когда он произнес у себя в голове, стараясь выбросить этот диалог и его источник, а его отец синхронно повторил за ним, не меняя ни положения, даже не двигаясь, лишь движения губ и стеклянный взгляд: «Я говорю сам с собой».

Приступ паники пробился наружу, не щадя ничего, заняв свою позицию уверенно и быстро, отчего Портер успел лишь упереться в стол компьютера обеими руками, напрягая все мышцы и закрыв глаза. Держась изо всех сил, игнорируя озноб и холодный пот, он с трудом регулировал вдох и выдох, всеми усилиями создавая у себя в голове мир, где он один, где любое слово и мысль будут направлены именно к нему лично, а не тому, что может проецироваться через зрение или слух. «Никого здесь нет», «ты один», «ты контролируешь себя», «ты сильный», «думай о работе – и только о ней» и многое другое. Он говорил себе все это вслух, твердо выговаривая слова, словно каждое из них было гвоздем, лишь забив которые с первого раза получится вновь закрыть крышку гроба.

Медленно опустившись в кресло, закрывая глаза и продолжая известный ему ритуал, Портер словно был в шаге от собственной смерти, где любое проявление слабости запустит цепную реакцию, остановить которую он уже вряд ли сможет. Он делал то же, что и в те времена, когда учился контролировать вспышки гнева путем обращения к самому себе, задавая простые вопросы и беря то, что жило в нем в ожидании своего выхода на сцену, под чуткий контроль, отдавая бразды правления трезвой мысли. То был зверь, пробуждение которого поначалу казалось лучшим моментом жизни, придавая сил и уверенности, уничтожая все страхи и ментальные преграды, – но поводок почти всегда рвался... Первые вспышки бесконтрольного гнева появились еще в средней школе, и, как сказали многие, если бы не работающая психотерапевтом мать, ребенок так и остался бы упрямым и жестоким. Только вот на деле родитель исправлял собственные косяки. Спустя годы его зверь внутри так никуда и не делся – лишь поводок да намордник стали крепче. Но на Векторе все вновь разделилось на черное и белое: в обычное время он был почти всегда идеальным примером контроля, но случались всплески, словно наркотический приход, дарующий ощущение власти над миром. С каждым днем подобное все учащалось.

Главное было не допустить появления отчаяния и яркого чувства несправедливости из-за отсутствия возможности увидеть и услышать, а то и поговорить с единственным по-настоящему добрым и хорошим человеком в его жизни, как некой сладкой пилюли в этом безнадежном месте, которое сожрет слабое существо. А слабость была не в его привычке, причем исходило это не только из детства и юношества, назвать которые легкомысленными не получится даже при большом желании. Все было как раз после, когда жизнь наконец-то стала принадлежать только ему. Допустить само понятие «слабость» было равносильно смерти.

Почти каждый раз он критиковал себя за потраченное время, пусть даже это всего лишь час на возвращение в колею, но все, же будь он сильнее, не потребовалось бы вновь бороться со своим зверем. Пока Портер проверяет готовность новых файлов для отправки за пределы Вектора своим коллегам, все его мысли уже заняты желанием продолжить искать способы выхода из положения заключенного. Чем больше заняты руки, а ум решает новую задачу, тем меньше шансов в скором времени вновь встретить того, из-за кого он ненавидит свою фамилию: ведь обращение к себе по имени тот не особо терпел, всегда поправляя в угоду помешанности на субординации, – майор Уитман.

Основой принятия сложившихся бесед с людьми, которых тут попросту не может быть, служила как раз та самая история человека, который запер его здесь, попутно дав понять, как устроена жизнь на Векторе. Пока Портер лежал без сознания из-за удара по голове, Харви изолировал это место, написал прощальное письмо, где доходчиво объяснил причины своего поступка, приложив к этому огромные мемуары своей собственной жизни на Векторе. Харви вошел в смотровую, преждевременно заперев ее изнутри, и разгерметизировал помещение, сделав то, о чем мечтали тысячи людей: смог выбраться со станции. Вот так просто первый живой человек, которого Портер встретил на Векторе, позаботился о том, чтобы он не покинул станцию, сделав его пленником этого места. Причина, по которой Харви покинул Вектор таким способом, открылась ему лишь после прочтения мемуаров, и на вопрос, стал бы он так поступать после всего пройденного пути и всей трагедии Харви, Портер четко отвечал: нет, не стал бы. Много раз он перечитывал мемуары Харви, то ища в них некий сокрытый смысл, то просто желая лишний раз убедиться в реальности самого человека, чье тело уже давно пропало в космическом просторе. Пару раз Портер всерьез задавался вопросом: а был ли Харви вообще? Может быть, он – галлюцинация, как и его отец? А запертые двери были им же и организованы как желание получить заслуженное наказание? Но все же, несмотря на благоприятную почву для развития подобных безумных мыслей, Портер понимал, что кто-кто, а Харви Росс был настоящим, о чем говорят его дневники, всегда лежавшие у него на столе, да еще пара факторов, отрицать которые было бы реальным безумием. Для напоминания себе об этом он оставил надпись на двери все тем же белым маркером: «Лишь Харви был реален, лишь он знал тебя на Векторе». Стараясь вчитываться в нее лишь тогда, когда было необходимо, Портер все чаще ловил себя на мысли, что рано или поздно он может забыть о ней, словно само зрение не передаст ему информацию, как не раз происходило со здешними людьми, особенно с самим Харви... В какой-то степени эта надпись была еще и напоминанием, что если бы не встреченный им человек, то история Портера Уитмана на Векторе сложилась бы совершенно иначе, и нетрудно было догадаться, особенно с течением времени, что та встреча спасла его. Она произошла почти три месяца назад.

Инструментов у Портера было достаточно – здесь имелся целый ящик, видимо, на всякий случай. Требовались лишь терпение и ум, чтобы починить панель и открыть двери. Первое время он не думал об этом: убедившись в том, насколько Харви позаботился о заключении его в изоляцию, Портер просто исполнял свой долг, создавая условия для проживания, не думая дальше завтрашнего дня, погруженный в работу и собственное дисциплинирование. Но время шло – и он быстро пришел к выводу, что умирать пока не собирается, хотя, возможно, дело было в том, что человеческая природа не терпит границ. Уже три недели прошло, а все не было должного результата, и порой ему казалось, будто это невозможно. Гнев от подобной безвыходности заканчивался ушибами рук и кистей, подытоживая ту мысль простым заключением: он заслужил все это, ведь не может выбраться. Такое наказание оправдывается крайне легко, стоит лишь покопаться в его прошлом.

Была еще одна дверь, справа от его комнаты. Она выглядела как нетронутая веками картина, откуда когда-то пришел Харви. Открыть все двери вручную, просто раздвинув две створки, было возможно, наверное, – но ему попросту не хватало сил. Все же человеком он был довольно далеким от физически развитого, да и здешняя диета забрала уже килограмм десять, как можно было судить по одежде.

Единственный выход – это дверь слева, напротив компьютера, где и была оставленная надпись «Лишь Харви был реален, лишь он знал тебя на Векторе». Под вскрытой панелью находились разорванные провода и поврежденная плата, и не спеша он записывал в отдельный блокнот всю схему, пытаясь разобраться в ее работоспособности. На всю эту затею с дверьми он мог тратить часа три в день максимум, в отрыве от основной работы, бросить которую было невозможно. Совсем недавно он вдруг догадался, что в этом помещении есть рабочая панель,

безотлагательно дающая ему доступ к туалету и возможности пополнить воду из раковины. Все же механическая система открывания дверей на Векторе присутствовала, но в его случае рычаги были сломаны – нетрудно догадаться, кем и ради какой цели. Аккуратно сняв верхнюю крышку с сенсором, на что ушло почти три дня нервов и страха лишиться себя доступа и туда, – все же он не техник и это непростая система, – Портер внимательно изучил ее.

Если бы даже он смог произвести замену одной платы на другую, он в любом случае не стал бы этого делать, пока не будет уверен на все сто процентов в отсутствии иного выхода. Если что-то произойдет не так, лишиться себя доступа к единственному источнику воды он уж точно не хочет, а ручная система открывания по неизвестным ему причинам была также сломана и здесь. За все время попыток ремонта ему не раз приходилось ощутить затекшие ноги, стоя на коленях перед сломанной панелью, но именно сегодня терпение и дисциплина принесли свои плоды. Несколько искр неожиданно сверкнули перед его глазами, после чего жуткий скрежет сопровождал медленное движение створок в стороны, создавая неприятное, даже пугающее эхо, впервые пряча от него напоминающую надпись на центре створок. Портер сидел на полу, не двигаясь ни на миллиметр, лишь взирая на открывшийся перед ним коридор с небольшим тусклым светом и двумя поворотами в конце, метров за двадцать от него. Явно пустовавший уже долгое время коридор, как было видно из-за слоя пыли и замершего во времени воздуха, не просто шокировал Портера – это было манящее место, куда, как ему сейчас кажется, он готов идти не оглядываясь, лишь бы не останавливаться. Настолько привыкший к одним и тем же стенам, воздуху и действиям, он получил возможность вкусить запретный плод, настолько сладкий и ранее недоступный, насколько он даже позабыть успел о том, какой мир скрывается за его небольшим домом, забыл даже об оружии, лежавшем на компьютере позади него в нескольких метрах.

ГЛАВА 3

Поддаваясь объятиям любопытства и чуть ли не детского воодушевления перед новым и неизведанным, Портер, словно плывя на легкой волне, а не шагая по твердому полу, приближался к неизвестному, отдалялся от дома. Возможно, повлиял на его состояние еще и кислородный удар: все же в его обители было ограничение воздуха, а здесь, среди длинных коридоров, он впервые за месяцы начал дышать полной грудью. Ему не стоило большого труда оказаться посреди Т-образного перекрестка, где каждая из сторон все сильнее манила его в свои сети, пробуждая давно забытое желание исследования как способа доказательства своей значимости. Справа в оба широко открытых глаза Портер наблюдал коридор, лишенный потолочного освещения, создавшуюся сокрытую зону, не имеющую конца. Слева же была полная противоположность, словно знающая о наличии темной стороны и тем самым пытающаяся привлечь его светом, раскрывая все секреты и доказывая безопасность для него: ведь, как он мог видеть четко и ясно, там никого не было. Серые стены и почти холодный свет, иногда прорывающийся из краев потолка, создавали неподвижную картину, шагнуть в которую казалось невозможным, ведь не было ни одного движения или осязаемого объекта, и если бы не освещение, ощутить наличие глубины было бы крайне сложно. С коридором по правую сторону было все ясно, плавно уходящая в безграничность чернота не особо привлекала, а скорее, что логично, отталкивала своими опасностями и ужасами, которых эта станция совсем не чурается, а порой, кажется, горда иметь их в наличии. Портер внимательно осматривал обе стороны, сам того не осознавая, ему порой хотелось пустить направление даже во тьму: ведь там, вопреки опасностям и явно живому страху внутри него, все же было куда большее, нежели известное ему за спиной. Но то ли его самосохранение дало признаки жизни, то ли он все же позволил воспоминаниям пробиться и напомнить, что именно из левого коридора он когда-то сюда и пришел. Портер принял решение поверить свету, а не тьме. Сродни дежавю, ему стучали по голове всплески воспоминаний того пути, который привел его через этот пустой коридор в то место, откуда теперь он уходит, даже не оглянувшись.

Проводя голыми пальцами правой руки по стене, он будто бы расширяет собственные возможности, стараясь не потерять ни одной нотки некогда существующей здесь жизни. Порой это настолько явно ощущается, что по кисти проходит вибрация от станции, будто бы пытающейся с ним разговаривать. Боль в левой руке словно исчезла, как и все страхи. Когда Портер был здесь в первый раз, Вектор не подавал ему подобных признаков жизни – лишь склад трупов да мемориалы разных форматов с бесчисленными историями, ждущими момента быть услышанными, заботу о чем он и взял на свои плечи в итоге. Первая дверь слева была открыта и манила его своей историей, познать которую ему безудержно хотелось, ведь даже несмотря на то, что рутина его дня состояла из сортировки и отправки данных со станции, Портер прекрасно понимал разницу между фактами и жизнью. Он взаперти уже целых три месяца: для такого места с такими условиями это долгий срок. И ныне он считает заслуженным позволить себе завораживающее опьянение от чего-то большего, чем простое желание жить.

Внутри был лишь один работающий источник света, прямо посреди небольшого помещения, заставленного по левой и правой сторонам стеллажами с ящиками, надписи на которых говорили о техническом складе, где хранятся запасные ремонтные платы, провода и разные неизвестные ему части тех или иных механизмов. По большому счету, он мало что узнал из попадавшего ему на глаза. Слово ребенок, впервые покинувший родительский дом, где любое иное место было за окном: ведь двери были закрыты, а внешний мир казался картинкой, живущей по своим, неизвестным ему правилам. Понять их и влиться в ту жизнь, которую хочется чуть ли не потрогать руками, казалось чем-то фантастическим и недостижимым. И вот

сейчас, выбравшись за пределы стен и преград, Портер так погряз в этом объективно непри-
вычном ему чувстве, что совершенно забыл о безопасности.

Пока он разглядывал ящики, кое-что, некогда считающее себя мертвым, а на самом деле находившееся в спячке, стало просыпаться. Прямо как он познавал обыденность через призму сказочности, неизвестное существо возвращалось к жизни, вспоминая необходимую примитивность для понимания самого себя. Долгое время лишенное еды, оно забралось в это помещение и спряталось в углу, прямо за дверью, слева от входа. Уткнувшись туда, изуродованный организм, некогда бывший человеком, а сейчас лишь отдельными частями тела напоминающий исходный материал, впал в спячку, еще толком не понимая такого процесса, но уверенный в том, как выгодно это будет для продолжительности жизни. Свернувшись в клубок, худые руки и ноги, заканчивающиеся острыми когтями, спрятали голову между собой, превратившись в невысокий, всего в метр, пенек, где костяная спина играла роль верхней защитной части. Вытянув медленно голову вверх, резкими, но краткими движениями освобождая искаженное угловатостями тело, сопровождая это краткими щелчками, существо обратилось к главному инструменту – слуху.

Портер стоял спиной к двери в тот момент, когда существо убедилось в наличии соседа и, недолго думая, не скрывая своего давнишнего голода, напало. Между ними было метра четыре, когда Портер услышал страшный звериный вскрик, погрузивший его в холодный пот и вернувший из детских впечатлений. Страшное существо на четырех вертикально выставленных конечностях стало неестественно, словно только учась балансированию, выходить из тени на свет – открыто показывая ему облезлую кожу и торчащие кости с головой, лишенной кожи и левого глаза, лишь сохранившей рабочую челюсть с мышцами и слуховую распухшую часть.

Было сложно понять источник большего страха: оглушающий визг или неестественно уродливое тело, уже далекое от строения человека? Сгибающиеся в разных местах кости, походившие на руки существа, стали резко трещать и пытаться схватить Портера, внезапно очнувшегося и возненавидевшего себя за то, что допустил такое положение дел. Все происходило быстро: существо почти не дало ему выбраться, заслонив вход между стеллажами. От безвыходности Портер схватил вытянувшиеся вперед конечности, дабы удержать самого монстра от себя подальше, пока неестественно дергающаяся голова пыталась укусить то, чего не видела, но отлично слышала остатками слуховых возможностей. Глядя прямо в его мертвые глаза, он в страхе кричал со всей силы, помогая себе держать натиск, а потом просто развернулся и потянул врага, который в итоге ударился о стену и немного потерял ориентацию. Используемый с умом момент стал решающим: испуганный и злой человек просто прижал ногой костяное туловище и вырвал одну из конечностей существа. Под проносившийся по станции эхом гневный крик уже поваленного монстра, размахивающего конечностями, словно взбешенный паук, Портер, пытающийся перекричать его, непрерывно наносил удары острым концом, попадая то по черепу, то по телу. Размашистыми движениями он словно забивал в землю длинный, в полметра, кол, широко замахиваясь и используя весь свой вес, вкладывая в каждый удар не только гнев, но и боль, которую давно терпел. Портер потерял контроль, лишенный всего, вымещал гнев и обиду в адрес виновника его страдания и боли, забывая напрочь о границах и последствиях, справедливости и жалости, благодаря пробудившемуся зверю. Все самое жестокое и безжалостное проснулось в Портере, словно он мстил за все свои несчастья, причем вскоре он почувствовал, что дело уже не в выживании путем вышеупомянутых инструментов: он просто нашел способ выпустить всю ярость и несправедливость, и будь что будет. Лицо, как и тело, запачкалось кровью, отчего он стал хуже видеть, руки уже стали неметь, а его крик лишился соперника. Состояние аффекта стало настолько сильным, что лишь усталость во всем теле заставила его остановиться и упасть на колени, тем самым приняв позу покорности перед мертвой тварью, словно вышедшей победителем из этой схватки, ведь она до последнего была верной себе.

Грязный, в поту и крови, с тяжестью в грудной клетке и болью в горле, Портер трясся от боли в мышцах, явно не готовых к таким нагрузкам. Но если это лишь вопрос времени, то его ум уже явно труднее справляется с переживанием подобных событий. Когда-то он принимал здешнее успокоительное пронокс, что было и так крайне сильным, а при вступлении в симбиоз с зараженным человеком становилось настоящим катализатором самых разносторонних преобразований и невообразимых порой последствий. И без того немислимые изменения в человеке на этой станции оборачивались еще большими последствиями, не имеющими никакого аналога, хотя и представить было страшно, какой путь выберет иноземная эволюция даже без пронокса. А ведь Портер уже давно заражен, как и любой, чьи легкие вдыхают воздух на станции, где иноземная Жизнь решила создать свою атмосферу, благодаря эксперименту в полевых условиях... То ли из-за вируса, то ли из-за бактерий, но почти каждый сходил с ума в этом месте, становясь разными путями истинным безумцем, умирая в ужасных психических отклонениях и теряя связь с реальностью, а самым неудачным оставалось превращение в ужасающих существ. Были и те, кто вобрал в себя оба варианта.

К счастью для Портера, в тот момент, как он оказался взаперти по воле Харви Росса, еще по одной его воле он смог получить сведения о проноксе и его истинном влиянии. Важным для него сейчас было вспомнить об этом из-за произошедшей драки, которую ранее он бы и не заметил, ведь под действием пронокса ему, казалось, и равных-то нет, и, имея в руках огнестрельное оружие, он не боялся проливать кровь. А теперь, вот уже три месяца как не используя лекарство, он превратился в слабака и труса, с трудом контролирующего своего зверя, хотя никогда таким не был. И тот факт, насколько он был на грани смерти, буквально на пустом месте заставляет ненавидеть себя. Как и следует, все эти размышления отрезвляют его, позволяя наконец оценить события с правильной стороны: он ушел без оружия и припасов, оставив к тому же свой дом открытым, рискуя потерять все запасы и впустить то, с чем сейчас он не справится.

Резко поднявшись и вновь взяв в руку кусок на удивление крепкой белой кости, измазанной в чем-то прозрачно-липком, Портер быстро стал возвращаться, лишь мельком оглядываясь по сторонам, боясь встретить сопротивление и не нанести удар первым. Каждый шаг давался легче и легче, хотя его все же пошатывало, но боль в мышцах придавала и адреналина, да и путь был коротким. «Надо было не прекращать колоть пронокс», – думал он на ходу, принимая факт превращения в нечто ужасное в ускоренном темпе.

Ворвавшись в знакомые стены, Портер сначала был ошарашен от неожиданно нахлынувшего спокойствия и чувства безопасности, а после почти поддался паранойе, вынуждающей проверить каждый угол на наличие врага. На удивление и счастье, никто не ворвался сюда, предвкушая прекращение голода. Стоя посреди, он закономерно подумал о том, что, возможно, никого уже и нет, кто бы мог искать или охотиться, пусть станция и огромная. Лишь те, впавшие в спячку, остались, выиграв главный раунд эволюции, научившись адаптации на долгий период.

Он закрыл дверь, используя замыкание нужных проводов, грохот повторился. Портер вымыл руки, лицо, проверил вырванную кость на отсутствие каких-либо живых организмов, как возможных сейчас, так и могущих появиться в будущем: все же эта Жизнь куда сильнее известной человечеству ранее. Спрятав кость в пустой контейнер из-под еды и убрав за пределы комнаты, прямо к стенке за дверью, ныне спокойно открывающейся, Портер не мог найти себе места.

Часто он представлял тот момент, когда дверь откроется и даст ему шанс убраться с этой станции на корабле. Корабле, арендованном его компанией в служебных целях, куда точку отправки он установил совершенно иную, дабы сокрыть путь полета. Все же каждый полет был под контролем правительства и частных компаний, просто так никуда ты не отправишься: нужны бумаги и цель, разрешение и права... Все это кажется ему таким забавным сейчас.

Много раз он был уверен, что его никто и ничто не остановит от побега, и пусть он лучше умрет при попытке, нежели останется заперт в клетке. «Отличное название – клетка», – подумал он, топчась на месте, крепко держа дробовик в руках, боясь выпустить его из объятий все еще под влиянием недавней схватки. Были моменты, когда он хотел покинуть Вектор способом, показанным Харви, представляя то, как его оставшаяся жизнь пройдет здесь в четырех стенах. Сейчас он в смятении: ведь это был его первый выход за три месяца, и влияние это оказало настолько сильное, насколько он готов поверить в вымысел сегодняшних событий. Ведь в таком случае все остается в мечтах, где нет страха неудачи, а угроза его жизни сводится к минимуму. Кратким движением Портер проверил работоспособность выхода и, убедившись в достоверности своих воспоминаний о сегодняшних событиях, на мгновение всерьез пожалел об открывшейся возможности. Когда живешь в одних стенах, с ними срастаешься – и это сказалось на нем сильнее, чем он предполагал.

– Ты не знаешь, как поступить дальше? – женский голос появился плавно, словно из тишины, не спеша добрался до его ушей, мягкими тонами придав теплоты и уюта. Портер увидел заботу в ее глазах, настоящую и искреннюю, но не жалостливую, а осмысленную. Он рассматривал ее, не желая отвечать: ведь прекрасно знал, что это не будет грубостью или неуважением, все это было в его голове. Темные брюки и приталенная белая рубашка, длинные, зачесанные в хвост черные волосы, минимум макияжа, глубоко посаженные карие глаза. Естественная скромная красота была ей к лицу. Лишь маленькие сережки и тоненькая цепочка были предметами роскоши.

– Мне тебя не хватает... – с трудом произнес он чуть ли не дрожащим голосом, увидев в ответ искреннюю улыбку и заботливый взгляд. – наших разговоров, наших встреч и того, как ты во всем видела лучшее.

– Но ведь я тоже не могла знать все, верно? И я не всегда была такой, но я понимаю, почему именно это тебе нужно сейчас. Так бы поступила каждая мама для своего ребенка. Жаль, мы не могли видеться всегда, я бы очень этого хотела, но...

– Да, я знаю. Поверь, ваш развод всем дался тяжело. – Портер старался говорить спокойно, не позволяя себе полностью отдаться эмоциям, прекрасно зная, как этот диалог работает на решение его проблемы, ведь именно из-за этого он видит свою маму. – Хотя я ведь помню, как в детстве... в моем детстве вы были счастливы. До сих пор гадаю, придумал ли я ту жизнь или нет. Но она была такой же настоящей, как и другая, крайне ужасная жизнь между двумя родителями, неспособными на примирение.

– Мы делали все, что могли, ради тебя, ты знаешь это, мы...

– Зачем ты это говоришь? Я ведь не верю в это, никогда не верил и не раз видел, как вам двоим было бы лучше без меня, вопреки твоей редкой любви и его поощрению моих редких успехов. Прямо кнут и пряник вы оба...

Портер не заметил, как уже злился, чуть ли не повышая на нее голос, но в ответ видел лишь смиренное понимание, которое начинало раздражать его еще больше. Но иного быть не могло. У нее было два образа: первый – это заботливая мама, один лишь взгляд которой уже кричал о сочувствии и понимании, прощении и любви. Второй – это психотерапевт, видевшая мир через причину и следствие, холодная, расчетливая, но крайне умная и порой кажущаяся надменной. Это была не болезнь – просто такой человек, не умеющий находить общий знаменатель, она делила жизнь на личную и профессиональную. Только вот зачастую забывала, что для ребенка подобное разделение немыслимо.

– И все же я здесь, а значит, у тебя проблема, сын. Может быть, обсудим это? – она резко сменила тон, что не удивило Портера ни разу, ведь то была другая сторона одного из родителей. – Ты боишься покинуть это место, я понимаю, за три месяца адаптируешься к условиям, от такого не сбежать. Но у тебя появился шанс – и почему-то ты замешкался, а значит, проблема либо там, либо здесь, согласен?

– Не знаю... Что если все из-за того, что там меня никто не ждет? Ты – мертва, отец – мертв, подружки нет, друзья... самые близкие были с работы, да и они тоже мертвы. Что мне остается, если кроме работы ничего не было?

– А может быть, все куда тоньше? – Портер боялся ее слов, не скрывая страха в глазах, уже понимая, о чем она скажет. – Причина настолько явная, что ты игнорируешь ее, но подсознание все равно не дает забыть. Тот сон, который мучает тебя все чаще и чаще, – он ведь был наяву, это ведь воспоминание, которое ты не можешь отпустить.

ГЛАВА 4

Каждый раз все начиналось по-разному. Иногда история тянется аж с момента уговора его коллег по работе вылететь к возможному местоположению Вектора, а иногда события развиваются с первых слов Уолтера – оператора, отца двух маленьких дочек и любящего мужа: «Мы не должны идти туда».

Портеру больше нравятся события второго сценария, пропуская тем самым долгие уговоры его друзей, которые становятся такими в самые необходимые для него моменты. И все ради того, чтобы стать первым, кто сорвет завесу тайны и лжи перед людьми, уже давно оплакивающими своих родных, друзей и коллег. Когда он вспоминает все доводы в угоду полета, слыша свой голос и видя реакцию на отказы, он пытается повлиять на события минувшие, словно он на цепи, вынужден лишь наблюдать за историей с заведомо известным трагическим финалом. Мякотелый в обоих смыслах Уолтер с крайне добрым сердцем и ответственностью во всех проявлениях пытается отговорить Портера, применяя известные рычаги в виде всех возможных рисков и нежелания оставлять свою семью. Но журналист не с самым лучшим характером, но с одним из самых упертых все же использует каждый довод и аргумент, не позволяя иному мнению, кроме как навязанное, взять верх в светлой голове оператора.

Также была Маргарита – отличный редактор, старшая из двух сестер, выросших под строгим, но заботливым воспитанием матери-одиночки, которой приходилось много раз возлагать обязанность присмотра за младшей на старшую. Годы шли, и вот Марго наконец-то смогла зажечь своей жизнью, когда, пусть и с трудом, младшая пошла учиться, а мама всерьез возжелала, чтобы старшая дочь, бывшая для нее опорой много лет, наконец пожила для себя.

Ее убедить было с одной стороны труднее, с другой – нужно было лишь подтолкнуть. А все потому, что жажда знаний и новых горизонтов была в первых рядах ее страстей. Но, с другой стороны, когда дело коснулось разоблачения великой лжи правительства, в ней проснулся страх – самый обычный, вынуждающий думать о безопасности своих родных чаще, чем о некоей выгоде. Тут Портер и сыграл верный аккорд, подтолкнув ее к мысли, что не ради этого ее мама сейчас живет одна, пока младшая учится, а старшая работает в другом городе. Ведь если Марго спасует, то разве не разочарует любящего родителя, как и младшую сестру, которая всегда старалась брать с нее пример? Сейчас Портер четко понимает, насколько он легко ими манипулировал, подменяя понятия и сталкивая с непреодолимыми аргументами, поданными его красноречием и красивой наглостью, гордость за которую он не скрывал никогда.

Они предлагали ему облететь станцию, снять репортаж и просто вернуться. Подобное выглядело в целом разумно, когда перед тобой огромная космическая станция, практически в заброшенном виде и словно застывшая во времени, да и находится она где-то уж совсем не там, где должна быть. Никто явно не обслуживал ее, вокруг не было сотен ремонтных кораблей, Вектор являлся массивным островом посреди бескрайнего космоса, без близлежащих планет или светил, что казалось чем-то странным, ибо обычно такие станции, наоборот, отправляли к объектам, а не бросали в неизвестности. Огромный цилиндр с центральным стержнем, создающим искусственную гравитацию, а снаружи обтянутый, словно паутиной, монорельсами для вагонеток, Вектор был одним из самых больших и космических станций, отправленных изучать космос посредством не только дронов и челноков, но и ученых всех мастей, дабы расширять границы известного, куда попасть людям было величайшим достижением в карьере, где они и работали, и жили.

Уолтер использовал самый логичный довод из всех возможных, но этого было недостаточно для того, кто не привык к полумерам, желая вновь, как и всегда ранее, быть в центре событий, так сказать, изнутри конфликта или ситуации. Портер все же убедил Уолтера войти

на станцию. Он отлично помнит молчание Маргариты, принимая это за согласие с ним, хотя на деле она была лишена власти над собой, боясь принять какое-либо мнение, – просто следовала за поводырем, не выбрасывая из головы чувство вины перед неудачей.

У них были скафандры, фильтры для защиты легких, крепящиеся на закрывающих полностью голову масках с отражающей поверхностью. Камеры и немного припасов на случай задержки: все же состояние Вектора изнутри, как и персонала, было абсолютно неизвестно. Они вскрывают старый склеп, словно забытый поколения назад, – это было самое четкое определение тогдашних ощущений, пусть с момента исчезновения прошло всего несколько лет. Уолтер хранил жесткие диски в сумке за спиной, куда сразу же копировалось видео с нагрудных камер у каждого, и так же он носил ручную, с обзором в 360 градусов. Он был ответственным работником, за годы не было нареканий. Все, о чем он мечтал, – это своя аренда оборудования, к чему, собственно, и стремился, воспитывая двух дочек и любя всем сердцем жену-художницу, с которой познакомился еще в школе. Будет ложью, если Портер скажет или даже подумает, что никогда не завидовал этому простому доброму парню, наслаждавшемуся жизнью и окруженному любящими людьми. И вот вновь Портер видит сомнения этого человека, крайне активно поддерживаемые Маргаритой, наконец осознавшей свои допустимые пределы. Здесь им делать нечего: раз никого вокруг нет, а вид станции такой, словно тут была бойня, то в обязательном порядке надо уходить и дать весточку, чтобы с этим разбирались другие, куда более «высокие» люди. Отойдя уже прилично от их корабля, следуя любопытству глянуть за каждый следующий угол, они загнали себя в эпицентр чужой среды, совершенно забыв, что находятся в гостях, где действуют иные правила приличия и сосуществования, нежели известные им. Хотя, поправляет он себя каждый раз, это не они оказались там – это он завел их туда. Эти события неизменны, каждый раз он переживает их с такой точностью, словно кто-то или что-то вынуждает его помнить все детали и не иметь возможности изменить их.

Прямо со стороны, откуда они пришли и куда вот-вот готов уже был возвращаться Уолтер, несмотря на настойчивые уговоры Портера, появились изуродованные до невозможности описать существа, явно когда-то являвшиеся людьми – сотрудниками Вектора. Четыре монстра, ведомые слепым голодом, не знали преград, не понимали слов и уж точно не боялись ничего: они просто хотели убить и съесть их. Портер схватил Маргариту, и они побежали вперед к ближайшему порогу, чтобы закрыть двери и спрятаться. Ожидая должной скорости от всех, он не успел заметить отставание Уолтера, выкрикивающего панически смесь призывов подождать его и боязни умереть. Он бросил камеру и бежал как мог, но монстры оказались чуть быстрее толстоватого оператора, заметно отставшего от своих друзей, ожидающих его в двадцати метрах у дверей. Маргарита просила Портера помочь ему, но в ответ видела лишь молчаливое бездействие, и только когда сама собралась пойти помочь ему двигаться быстрее, ее грубо остановили и заперли дверь. Через две секунды в нее влетел Уолтер, моля о пощаде, еще через две на него накинута тварь, смешивая его крики со своими радостными воплями. Оба слушали, как их друга съедают за дверьми, до самого конца, пока наконец не настала тишина. Это было долго.

Маргарита плакала и проклинала Портера, ведь он мог помочь Уолтеру. Она била его, кричала на него, пыталась получить хоть какую-то ответную реакцию от убийцы, но ничего, кроме смирения со случившимся, Портер не испытывал.

«Нужно найти доказательства – тогда мы сможем уйти, иначе его смерть будет напрасна», – сказал я тогда Марго, причем ведь то же самое, что и Уолтеру, когда он через час пребывания здесь решил уйти... Лучше бы ушел, а не последовал за мной». – Портер не знал, кому он это говорит, как и не знал, кто есть сейчас рядом. Но молчать не вариант – он хочет быть услышанным, а значит, кто-то да придет вновь, раз его мама почему-то исчезла на время воспоминаний, остановить которые уже было невозможно.

А ведь он даже не знал жену и детей своего оператора, хоть и бывал приглашен не раз на вечера и праздники. Но это на тот момент еще не было проблемой, в отличие от Маргариты. Им пришлось столкнуться еще с парой конфликтов не на жизнь, а на смерть, но, уже зная наперед расклад сил и здешние законы, они смогли избежать драки, используя смекалку, скорость и силу, предусмотрительно погасив в зачатке агрессию существ, встреченных на пути.

– Что ты сделал? – спросила мать требовательным тоном, желая услышать признание.

Портер вновь схватился за левую руку, уже в районе плеча. Потирая ее, он поднял взгляд и увидел некую смесь осуждения и понимания. Он снял куртку, оставив лишь футболку, потом перчатку с левой руки. Медленно стал разбинтовывать руку, начиная с кисти. Там он вновь увидел порой забываемую им надпись, как раз для некоего отрезвления в самый трудный момент, выход из которого лучше всего обеспечит пронокс...

– Она бы не выжила, это бы понял любой на моем месте. Тогда я думал лишь о том, насколько хватит моих сил, а с учетом... балласта цифра сразу же падает. Что уж томить, я более чем уверен, она сама понимала, вопрос лишь времени, когда станция победит.

– Что ты сделал?!

– Лучше уж я, чем они!

– Я не таким тебя воспитывала. Забота о других – это важная способность, которая определяет тебя как человека.

– Я и забочился, разве нет? Лучше ведь я, лучше так и лучше быстро, нежели любая альтернатива, заставившая ее мучиться последние минуты и секунды этой ебаной жизни. Меньшее из зол! Пусть и зло, но какая, на хуй, разница? Не я выбирал эти варианты, будь моя воля...

– Ты выбрал сюда прилететь.

– Да, здесь ты права, мать, но знаешь, это ведь другая история, и не с тобой мне ее обсуждать. Не с тобой обсуждать причины этого выбора, я это знаю, а значит, знаешь и ты, как и отец. Ведь в этом все дело, кто из вас будет прав, чьему слову мне следовать, чей пример брать за основу. Быть тактичным или ломиться напролом, дипломатия или агрессивный захват... всю жизнь одно и то же – две полярности, не способные к примирению. Верно, мать и отец?

Внезапно оставшись один, Портер кричал в воздух, хотя, прицеляясь себя, он всегда бывает один. И это важный вопрос: видит он их из-за одиночества – или же всему виной влияние найденной инопланетной биологической Жизни? Сраное растение, как думал Портер, начавшее свой новый цикл после разморозки в лаборатории Вектора, где не сразу стало понятно, насколько оно несовместимо с человеком. Простой цветок, создавший для своего комфорта собственную атмосферу, внутри которой каким-то образом зародилась Жизнь, понимающая эволюцию несколько иным способом.

Возможно, весь этот психоанализ – результат обоих вариантов, скорее всего, так и было. Ведь ему до сих пор трудно признавать, что, проведя на Векторе столько времени и поддавшись влиянию инопланетной Жизни и стимула в виде пронокса, он все еще может трезво мыслить. Хотя смотря что считать трезвостью.

– А что если не можешь? – Голос матери сопровождался и изучающим взглядом. – Что если все это ложь, или же ты помнишь лишь то, что адекватно только по твоим меркам? Ты читал записи последнего человека, с которым общался на Векторе три месяца назад, который, кстати говоря, дал тебе ответы о том, как все здесь работает.

– Вот этого тона я давно не слышал. Прямо как, блядь, в детстве, когда за заботой и любовью то там, то здесь проскальзывала психиатрическая аналитика. Профессию не скрыть, да, мать? А ведь я мечтал увидеть твою светлую сторону, настолько же любящую, насколько и редкую.

– Ты называл меня «мать», когда не согласен, даже если идешь навстречу.

– Я рад этим кошмарам. Рад, что от них не избавиться просто так и что они основаны на правде. Догадываешься почему? Некогда бывшие сотрудники этой станции, если и дожили до

этого момента, то потеряли всю свою человечность, опустившись до примитивности, извратились до неузнаваемости. То же самое станет и со мной, и пока я чувствую вину, я знаю, что все еще остаюсь человеком. Мой личный ориентир.

Бинты упали на пол вместе с запиской-напоминанием, оголив всю левую руку по самую шею, покрытую коркой черного цвета, частично лишаящей руку чувствительности в одном месте, но усиливающую боль при каждом движении в другом. Причем каждый раз он не мог понять, как происходит рокировка, но при этом пока что сохраняется ее функциональность. За месяц вся левая рука и уже часть плеча трансформировались, сменив кожу черной трескающейся плотной массой, под которой в местах сгиба он видит голое мясо.

– Видишь ли, мам, вопрос времени, когда я стану одним из них. Одной из тварей Вектора. Излечить это невозможно, так что проще смириться – уж что-что, а дать себя этому сломать я не позволю. Ты бы сейчас усмехнулась, сказав, что мое упрямство даже тут нашло применение. И, да, нашло – чему-чему, а этому я научился слишком рано, не без вашей родительской помощи.

Сын смотрел на маму тем самым открытым взглядом, получившим бы ответную реакцию в виде объятий или сочувствия, будь это физически возможным. Моменты слабости давались ему с трудом, раскрывая спрятанные за ментальной броней чувства и любовь, относиться к которым с еще большей опаской, чем обычно, он начал как раз в то время, когда его мамы не стало в год его совершеннолетия.

ГЛАВА 5

Вчерашний разговор с матерью все так же свеж своими воспоминаниями и остаточными чувствами, словно случился он только что. Но, разумеется, то не было правдой, как минимум из-за наличия этой ночью того самого ориентира. Но было кое-что еще, выделившее этот день, – непонятный шум где-то за потолком, причем доносились до него явные обрывки чего-то громкого и, возможно, разрушительного, позволяя легкой вибрации пройти по его убежищу. Кратко и быстро, но заметно ощутимо, что вызвало у него неподдельное любопытство, прикрывающее страх той, ждущей его за дверьми неизвестности. Но если вычесть предположительную галлюцинацию в виде ожившего Вектора, обратившего все свое внимание на единственного в этих стенах человека, то остаются простые варианты, проверять достоверность коих не входит в приоритеты: очередной монстр неуклюже бродит в одиночестве, или же дерется с кем-то себе подобным, ну или, на крайний случай, попадание метеора, избежать которого ныне не представляется возможным. В общем, сегодняшний день выделился отчетливо, и это было лишь началом. Ведь как только Портер закончил ритуал безопасности и завтрак, он сразу же засел за работу, делать которую больше некому.

Жесткий диск был подключен ровно до того момента, как уже скопированные на компьютер данные отправились навстречу людям, должным информацию принять, рассортировать и использовать для срыва всех покровов. Подключив новый жесткий диск и начав копирование, преждевременно очистив на компьютере место (хоть его и было более чем достаточно, но оптимизировать все же приходится), он убрал уже используемый диск в шкаф своего убежища. Прямо у кровати тот самый шкаф хранил в себе уже двадцать жестких дисков, на копирование которых иногда уходило по несколько дней, все же объем был огромен. Адрес отправки был ему известен благодаря работе журналистом, ведь в век технологий и путешествий между звезд, не говоря уже о развитой компьютеризации, надо иметь запасные серверы, зачастую хранящиеся на отдельных спутниках, доступ к которым есть не у многих. А физическое изъятие было крайне проблематичным по ряду самых простых причин. Почему так? А потому, что содержимое серверов Вектора – это не просто конфиденциальная информация: ее цена – человеческие жизни, сокрыть которые правительству необходимо в первую очередь. Но, что воистину забавно, контакт, потерянный со станцией в итоге, не был налажен, причем виновны в этом события внутри станции, все же человеческий фактор – сильный довод. Когда начался весь ужас, а люди оказались запертыми в пределах станции, то руководство сразу же заблокировало всю связь, дабы никто не отправил прощального письма, как и не информировал бы остальной мир о происходящем здесь. Лишь у организаторов были доступы к связи вне Вектора, чтобы общаться уже со своим руководством и информировать его об ужасной жертве ради спасения все остальных. К счастью, Портер нашел это место и ключи шифрования, дабы получилось связаться со своими людьми.

Почему же тогда Портер уверен, что его сообщения не перехватят и не проследят точку отправления, тем самым выйдя на координаты Вектора? А все потому, что он не первый раз занимается сливом конфиденциальности, шифровать умеет, из-за чего как раз и длится его работа долгие месяцы, и неизвестно, что кончится первым: данные или его жизнь... На том конце есть доверенные люди, которые не подведут его в этом вопросе, ведь, как ни странно, у журналистского общества, в котором он состоит, есть негласный кодекс: все же информационные порталы имеют большую силу благодаря деньгам частных инвесторов, а главное – преданным делу людям. Каков же итог всего этого? Он не знает, лишь надеется на правильный подход к разоблачению и, возможно, даже станет свидетелем прихода на Вектор властей или хоть кого-то, кто решит, к примеру, спасти его, – хотя, конечно, это лишь фантазия, его уже не

спасти... Но мечтать в этом месте и этих условиях хоть и чревато скользким путем, но все же не смертельно, во всяком случае пока что. А вот почему он не попросит помощи или просто не постарается наладить диалог с тем, кто на другом проводе, – это непростой вопрос.

Как бы то ни было, пока что он уверенно сливает информацию о персонале, а после и все хроники событий, предшествующих началу карантина. Множество файлов и записей психотерапевтов, заключений кураторов и начальников десятков отделов, не говоря уже о лабораторном и исследовательских уровнях, – это большая история, сортировать которую у него нет времени, этим займутся другие. Десятки проектов и результаты исследований хранились на грядущих жестких дисках, как мог он судить, добытые, кстати говоря, из архивов, которых, на удивление, было много. И с каждым днем Портеру кажется, словно он до сих пор касается лишь верхушки айсберга. Стоит лишь начать открывать файлы, как истории затянут его – и это та причина, по которой руки лишь поверхностно осматривают оглавления, дабы убедиться в наличии необходимого и отсутствии повторяющихся данных. Хотя иногда так и хочется погрузиться словно в огромную книгу с тысячами персонажей и проследить события от и до, как некий способ бегства от реальности...

Попавшийся на глаза файл с именами сотрудников лаборатории по исследованию инопланетной Жизни привлек его внимание не содержанием самих исследований, а конкретными именами. Крейг и Джил Морган – муж и жена, чьи имена он видит не первый раз. И в любой другой ситуации, возможно, Портер все же проигнорировал бы этот не подкрепленный ничем интерес, но кое-что его смутило – не в их именах и даже должностях, а в проекте, над которым они работали. Если верить отчету, он назывался «Н. И. К.». Не надо много ума, особенно журналисту, специализирующемуся в раскапывании чужих ям, для понимания предназначения непонятных названий, шифровок или даже имен, но это был немного не тот случай. Некоторое время он пытался вспомнить, что же так его привлекает и не отпускает внимание, словно ускользающая разгадка прямо перед носом. И, поискав первое упоминание этих имен (два жестких диска позади), Портер понял, чем так его манит к себе название проекта. У них есть – а может быть, и был, этого он подтвердить или опровергнуть сейчас не мог – ребенок, мальчик по имени Ник, возрастом 10 лет на момент последнего с ним общения через текст КПК, прямо перед началом карантина в жилом блоке.

«Сын, знаю, мы с мамой обещали еще вчера вернуться, но сложилась неоднозначная ситуация. Сейчас главное – не паникуй, помни, чему мы учили в подобных ситуациях. Скоро придут охранники, они заберут тебя к нам, пока мы будем здесь, ожидая разрешения конфликта. Надеюсь, ты хорошо себя чувствуешь, принимаешь лекарства и помнишь: мы любим тебя и сделаем все, чтобы ты выздоровел».

Они любили его – тут не поспоришь, да и не трудно было Портеру представить, насколько короче было бы подобного смысла сообщение от его отца. Это даже заставило немного усмехнуться. «Повезло пацану», – подумал он по-доброму. Но картина еще слишком пространна для выводов, и это пробудило старые, отлично знакомые ощущения.

Данные из диска этой недели продолжали копироваться – перед его глазами были на одной стороне экрана письма Джил и Крейга сыну, а на другой – проект «Н. И. К.», где после упоминания всего двух имен нет ничего, хотя подобные файлы всегда пестрят подробностями. Портер сразу же проверил, откуда он забрал эти диски: к счастью, на каждом есть маркировка сектора, и последний, копирующийся сейчас, был взят из исследовательского сектора на другом уровне станции. Добыча их была бы для него, скорее всего, невозможна без помощи одного неожиданного друга, вышедшего с ним на связь в тот период, когда Маргарита и Уолтер были уже мертвы, но еще до встречи с Харви. Тогда Портер погрузился в работу, собирая информацию ради разоблачения, отчего неожиданно для себя выискивал хоть кого-то на Векторе по внутренней связи и все же нашел выжившего – хорошего человека, который помогал ему безвозмездно, но судьба которого... Вспоминания эти он старается отгонять от себя – не сулящие

ничего приятного, скорее наоборот, пробуждающие в нем страх и даже невыносимую скорбь от ужасной несправедливости истории того человека. Он должен благодарить Харви, оставившего свои мемуары, где открывается вся правда о предшествующих заточению Портера событиях.

Выкинув из головы страшные мысли, позволить резвиться которым – это скользкий путь в ту сторону, где, кажется, сама смерть лучше, нежели витание в неизвестности и непонимание даже простейших ориентиров, Портер изучил маркировки дисков и понял, что если и искать новые детали неизвестной истории, то либо в предыдущих данных, либо отправиться за пределы убежища. Подобное расследование (а ничем иным он не может назвать сегодняшнюю работу) было у него последний раз как раз перед прилетом сюда.

Следуя известной системе постепенного анализа и сортировки данных, Портер вытащил старые жесткие диски из шкафа – а их было немало – и разложил по отделам серверов на полу, слева от терминала, где места побольше. Пять стопок, каждая имеет по 4-5 дисков размером с приличную книгу. Имея имена и фамилии, не трудно найти то, что оправдает крайне дотошный и даже неожиданный интерес к абсолютно неизвестным ему личностям.

ГЛАВА 6

Неожиданная целеустремленность ребенка, желавшего удивить результатом своего труда, возникла и окатила Портера, как волна, заставляя предвкушать личную гордость и похвалу перед самим собой. Он уже не думал о безопасности, голоде или дискомфорте, вызванном физическим изменением. Абсолютно полностью сконцентрировавшись, как он всерьез считал, на расследовании, Портер не заметил даже, каким насыщенным стал его день. В нем загорелась настоящая искра, ведущая к преобразению перспективы его жизни – от невероятно удручающей к вполне оптимистичной, но все еще прячущей за горизонтом некое новое, близкое к надежде ощущение.

Несколько забыв о счете времени, Портер искал любые упоминания об объектах своего полного внимания, ведя отдельную тетрадь, куда записывал даты, имена, локации, и все это с целью проследить историю одной семьи. Красная тетрадь размером А3 в клеточку с твердой обложкой почти всегда была у него в руках, благо увечье его руки пока что не лишает моторики пальцев. С каждым днем изменения кажутся настолько незначительными, насколько легко не заметить существенного влияния этих самых изменений. К счастью, он был правойшей, а держать в левой руке открытую тетрадь на сто листов не составляло труда. Записывать и вести простую схему Портер начал практически с последнего сообщения, отправленного родителями своему сыну Нику – мальчику 10 лет. Не спеша он разматывал клубок в обратную сторону, пытаясь уследить все движения трех людей.

Мальчик прибыл с родителями на Вектор по требованию руководства станции, когда находка из скоплений небольших метеоров только-только была идентифицирована как «новая жизнь». Они даже не знали тогда, как скоро изменится их жизнь и жизнь их мальчика. Как следует из анкеты и отчета о прибытии, до этого они работали в орбитальном городе Ядро – как раз там, где строились подобные Вектору космические станции. Там они жили, там и познакомились, там и родился Ник. Если верить резюме с прошлого места работы, нареканий к Джил и Крейгу нет, хотя отдельно отмечаются их любовь к единственному сыну и забота о нем – порой даже, как в другом отчете подметил психотерапевт, несколько излишняя забота. Найдя медицинскую карточку, отправленную еще с Ядра, Портер узнал о том, что роды проходили трудно, из-за чего ребенок много болел в детстве. Но главное, оправдывающее их чрезмерную заботу: Ник – это первый рожденный у них ребенок, до того было два выкидыша... Несмотря на все трудности, мальчик был крайне любопытным, хотя и спокойным, но совершенно не обремененным умом. Учителя ставили ему хорошие оценки, особенно в дисциплинарном плане, порой даже отмечалось, что он «необычный ребенок».

«Он мечтает увидеть природу, настоящую. Все время рисует леса, поля, океаны, даже горы совсем невозможных форм, и мы с мужем всегда спрашивали, почему именно такие, а не обычные. И он отвечал, что хочет посетить все планеты, чтобы увидеть все виды и формы», – рассказывала Джил с гордостью за сына по видеосвязи матери одного из новых друзей сына на Векторе. Видимо, они сблизилась, как часто бывает у родителей дружащих детей. Джил и Крейг очень поощряли все его стремления к новому: не успевая привыкнуть к рисованию, мальчик уже пытался сочинять музыку, и только надо было приложить усердие – как его тянуло к архитектуре, что было понятно, ведь станции, на которых он вырос, крайне похожи друг на друга и не блещут красотой.

Портер читал их переписки с друзьями и учителями, где, разумеется, основная тема – это дети. И лишь одно он видит четко и ясно настолько, насколько необходимо потерять счет времени, чуть ли не утонув в бесконечных хвалебных словах и всех проявлениях любви к единственному сыну. В своем детстве он отлично помнит то, насколько по-разному и в то же время

одинаково его отчитывали отец и мать после жалоб учителей на плохое поведение, которое, разумеется, брало корни именно из дома, а точнее – из двух домов. Когда Портер получал нагоняй от отца, слов было мало, да и те ограничивались конкретикой и взыванием к логике с сухим причинно-следственным событием, после чего шли тумаки – как говорил отец, «в воспитательных целях», но не доходившие до крови. Хотя боль от пощечин тыльной стороной руки он помнил долго. Когда же это была мать, то вместо родительского разговора, понимания и любви ему приходилось быть на приеме психотерапевта, где нельзя было ничего, кроме анализа каждого слова и действия, словно он изначально был неправильный. Порой, когда он был у матери, жалел об отсутствии тумаков отца, а когда был у него – жалел о невозможности просто говорить...

Как и следует ожидать, только такое отношение Портер и знал: лишь две крайности родителей, давно сменивших любовь на разочарование друг в друге, из-за чего их единственный ребенок стал лишь проектом, бросить который попросту нельзя, – уж так они были воспитаны, не более того. Не раз Портер замечал, насколько, как ему казалось, они хотят доказать друг другу свою правоту, используя его как инструмент: ведь ненависть между отцом и матерью была на совершенно ином уровне, нежели у обычных людей. Каждый свято верил лишь в собственный правильный подход к жизни и миру, людям и судьбе, от чего ребенок не был защищен никем и ничем, попадая из крайности в крайность. Как так вышло, что настолько разные люди умудрились и пожениться, и стать родителями? Не единожды задаваемый вопрос так и остался без ответа. Возможно, как раз из-за этого сам он так и не встретил даму сердца, не имея должного примера, так и не смог решиться на долгосрочные отношения. Ну а его родители просто поддались порыву странных чувств, и для каждого из них они были чем-то аномальным, так же быстро появившимся, как и выветрившимся через какие-то пару лет, но этого было достаточно для появления незапланированного Портера.

Джил и Крейг работали в сфере генной инженерии, и как только стало известно о нахождении иноземной Жизни, если верить внутренней почте, стали одними из последних, кого допустили до этого объекта, – причина такого решения неизвестна. После ввода карантина в жилом блоке никаких упоминаний о Нике нигде не присутствует – ни в письмах между супругами, ни в переписи персонала с родными. Причем, как сразу подумал Портер (но быстро отсек эту мысль), он точно не остался в карантине, ведь его вывели оттуда заранее, как особо ценную фигуру. Связано ли это с тем, что название последнего проекта, над которым работали Джил и Крейг, несет имя их единственного сына? В переписи погибших ни имени, ни фамилии не числится – но вряд ли ей можно верить.

Его часы вновь подали признаки жизни. Прошло уже почти десять часов с момента начала его расследования, когда жесткие диски покинули шкаф и коснулись пола. За это время к нему не постучался в гости никто из спроецированных памятью соседей, как и не было боли в руке. Портер ощущал жизнь – настоящую, как в старые времена, лишённые объективных страхов или границ возможностей, словно животное в открытом девственном лесу. Последние же три месяца были клеткой, которую он пытался дисциплинировать и адаптировать, выведя режим на первый план, ради жизни более иной, но менее полезной для его естества, отчего одомашнивание приструнило в нем бурную кровь, сразу лишив и клыков. Сроднившись с этой семьей, особенно с мальчиком, зависть к которому пробивается все явственнее, Портер уже не может не думать о тех вопросах, ответы на которые тут не найти. Все же некая тайна продолжает витать перед его глазами, и ухватиться за нее не имеется возможности. Это прямо как тогда, когда он узнал о возможном местоположении Вектора, не оставившем от него ничего, кроме необузданного стремления найти, увидеть и взять эту тайну в свои руки. Что тогда он не желал видеть преград, что сейчас. Все повторяется – и он вновь поддается инстинктам.

– Что ты делаешь?

– Почему я не удивлен твоему появлению именно сейчас! – несколько надменно произнес Портер, убирая жесткие диски обратно в шкаф.

– Не помню, чтобы я учил не отвечать на поставленный вопрос.

– Ты ничего не можешь помнить, ты – всего лишь мое воспоминание, а может, уже и галлюцинация. Не думаю, что смогу отличить.

Портер проверил все помещение, убедившись в отсутствии незапланированных гостей, пропустить которых за последние десять часов было вполне возможно.

– И снова ты упускаешь главное, прячась за простыми, выгодными тебе доводами. Ведь иначе не нужно думать о том, что, возможно, твои сообщения на удаленный спутник никто на самом деле не получает, а твоя работа – это трата времени. Все хотят иметь предназначение, все хотят иметь цель – тут нечего стыдиться. Но тот факт, что до сих пор к тебе не прилетели люди, не прислали сообщение о направляющейся помощи или просто не заинтересовались о тебе, является не лучшим вердиктом проделанного труда на Векторе, оценить который, вероятно, будет некому. Если это никто не читает, значит, ты безрезультатно проводишь тут дни. Из-за этого ты и готов идти туда, снова расследовать, рискуя своей жизнью, – это я уважаю. Но пока ты сам не признаешься в том, что это лишь инструмент и конца этому не будет, ты ничего не сможешь добиться, ибо движет тобой страх оказаться бесполезным, как и разочароваться в том, на что ты уже потратил много времени. Твой корабль уничтожен, ты сам видел его обломки, пролетающие мимо, – но забываешь про это, придумывая любые отговорки, лишь бы завтрашний день был встречен со смыслом.

Портер сорвался. Гнев, всколыхнувшийся в нем, был настолько неподконтрольным, что, будь перед ним реальный человек, ни одно слово или взгляд не остановили бы в нем ту ярость, с которой он набросился бы на него. Перед его глазами были видны лишь взмахи куска железа с последующим соприкосновением со всем попадающимся на пути: по рукам бегала дрожь и болью отдавалась работа мышц, в ушах лишь его гневный крик, и в нем, прислушавшись, легко было прочесть боль, выход которой иначе было бы невозможно представить. Под горячую руку попало все вокруг, словно он пытался растолкать агрессивную толпу вокруг себя, попеременно нанося точечные и хаотичные удары по невидимым целям. Все копившееся в нем за долгие месяцы, а то и годы, вырвалось в неконтролируемом акте агрессии, который в последний раз случился очень и очень давно и, как он сам думал, был удачно вылечен психотерапевтом. Звериный крик раздавался эхом вокруг настолько, насколько необходимо было перестать что-либо ощущать, лишь плывя по бешеному течению, не замечая ничего вокруг, но твердо позволяя выносить все худшее наружу тем способом, которого он после всегда стыдился...

Бросив на пол железку, Портер еще какое-то время стоял на месте, преисполненный того самого доминирующего ощущения после победы над врагом и предвкушающий уважение всех и каждого, отныне боявшихся его. Сорвав наручные часы, он бросил их в противоположную сторону помещения. Проверив сумку, давно собранную из всего необходимого, Портер вышел за дверь, забыв совершенный поступок. Клетка была сломана.

ГЛАВА 7

Сердце стабильно отстукивает быстрый ритм, не позволив Портеру окончательно перелистнуть страницу срыва, за который обычно ему было бы стыдно, но только не сегодня, не здесь. Впервые в жизни он вдруг всерьез признал это ненавистное ему явление чуть ли не нормой, трезво дав себе отчет о том, что все могло быть и хуже, а это – так, мелочь, всего лишь сорвался. Кто-то мог бы всерьез поставить это мнение под сомнение, парируя схожестью его поведения с представителями станции, где подобное стало нормой, – но сам Портер видит ситуацию иначе. Его это не беспокоит, как минимум по той причине, что он смог взять себя в руки и продолжить начатое дело, несмотря ни на что. Да, ему удалось проявить худшее от себя, чуть сорвавшись и выплеснув гнев, но важно, что никто не пострадал, да и судить его некому.

Вокруг него все такая же тишина, влегкую способная убедить в глухоте, пусть и опровергнуть подобное проще простого. Но когда он был у себя в клетке, это означало безопасность, фундамент его жизни и работы в четырех стенах, где, как ни посмотри, он загнан в угол. Сейчас же Портер начинает понимать, как сильно это влияет на восприятие, когда из-за тишины и пустых декораций порой все кажется сном, проснуться от которого он боится больше, чем самого сна. Ведь в таком случае все было впустую, а его действия, как и мотивы, – лишь выдумка.

Не обращая внимания на сторонние двери, большинство которых были закрыты, прямо вдоль длинного коридора, часть которого была под прямыми лучами потолочных ламп, а другая, большая, во тьме, Портер уверенно шел вперед, заботясь только о наличии на пути темных мест, которые могли таить опасность. Все, что он хотел, – это уйти подальше от клетки, ощутить, так сказать, свободу и радикальную смену окружения. Чем дальше, тем больше ему казалось, что сам он не станет тем же человеком, каким был. Ведь, ощутив старый прилив сил, Портер окончательно понял, как сильно ему хочется идти вперед, хоть куда-то, но точно не на месте стоять: уже настоялся. Такого эффекта он не ожидал, и подобное сильно настолько, насколько ему вдруг стало плевать на последние слова матери перед его уходом.

– Мне плевать, права ты была или нет... Мне плевать – слышите?! Мало ли чего я боюсь, это не ваше дело, не ваша жизнь – моя, моя, моя!.. – проговорил он себе под нос, отходя от адреналина, не останавливаясь ни на шаг, готовый встретить любую угрозу, любого врага, лишь бы не возвращаться назад.

На первом же перекрестке он уже не ощущал догонявшее его прошлое. Последние события несколько плыли у него в памяти, и если в другой момент он бы всерьез задумался об этом, то сейчас это было именно то, что ему необходимо. Пустой перекресток, соединяющий такие же пустые и пугающие коридоры. Ни одного существа, ни одного звука, даже освещение работало стабильно, словно его занесло в фотореалистичную картину. Над головой его работала лишь половина ламп, и, находясь в полутьме, Портер поглядывал в длинные коридоры, наполнение которых такое же, как и того, из которого он сюда пришел. Они были одинаковые и нетронутые временем, словно все это принадлежало ему, – хотя разве таковым это не является? Кроме него и нет никого, это его территория – его пустое королевство. И эта мысль так бы и продолжила его съедать, обесценивая саму жизнь, – ведь править ему нечем, – если бы не вовремя возвратившаяся из небытия цель, ради которой он разрушал прошлое, стремясь лишь к будущему.

Он крепко сжимал обеими руками многозарядный дробовик, его шаги были практически бесшумны, чему он сам старался уделять внимание, наслаждаясь эффектом беззвучия, словно хищник на охоте, не дающий о себе знать до момента, когда будет уверен в победе над добычей. Вокруг него был застрявший во времени музей, только вот решить, жизни или смерти, Портер

еще не мог. Он не лишал себя возможности заглянуть в каждый пустующий кабинет, на входе в которые были имя или даже несколько имен людей, когда-то наполнявших это огромное место жизнью и мечтами. Ныне это лишь открытка с именами, которые, пусть и не конкретно, но почти всегда знакомы Портеру, каждый день изучавшему письма и отчеты людей, не доживших до этих дней. Где-то он видел идеальную чистоту, порой кажущуюся ненастоящей, словно бутафория для имитации или отвода глаз. Где-то была разруха, иногда намекающая, а иногда кричащая о страшном, случившемся тут в последний раз, когда в стенах этих еще был владелец. Большинство людей в этой зоне работали над контролем и производством кислорода, благодаря одному из внушительных садов, его производящих. Забавно, думал Портер: он так и не видел еще этих садов, что вынуждает даже подумать о смене планов, дабы узреть хоть что-то, кроме безжизненного окружения, не говоря уже о том, что там еще могли остаться фрукты и овощи, вкус которых давно забыт... Но любопытство оказалось слабее страха перед невероятным и страшным видом, который, вполне возможно, откроется перед ним в том месте, где уже давно инопланетная Жизнь могла пустить корни, вступив в более извращенный симбиоз или же, что еще хуже, извратив известную ему земную жизнь.

Следуя плану на КПК, Портер повернул налево на перекрестке, где со всех сторон были двери, и, открыв нужную, попал в небольшую игровую. Созданная для развлечений, она помогала людям не только отдохнуть от работы, но и пережить трудный момент понимания местонахождения. Внутри работали почти все лампы в углах между потолком и стенами, создавая приятную теплую атмосферу, где можно было прямо в воздухе разглядеть танцующие пылинки. По левую руку было два стола с бильярдом, идущих вдоль помещения один за другим, по правую – крикет и настольный теннис. Портер не помнил этого места, и можно было бы списать это на амнезию – но теперь он уверен, что прибыл иным путем. Ведь на диване, прямо за крикетом, вдоль правой стены, на боку лежит тело. Взрослый мужчина, и, судя по размеру одежды, был довольно приличного телосложения. Сложно понять причину смерти, но это не сильно волнует Портера, в отличие от имени на бирке: Степан Красно. Портер где-то слышал это имя, но почему-то не может вспомнить. На полу кое-что написано – приглядевшись, он прочел надпись маркером «не успел простить люблю». По почерку можно было понять, насколько из последних сил это было написано.

Довольно тщательный осмотр окружения дал отрицательный результат, не ответив на загадку гибели Степана, да и в целом все это очень угнетало Портера, вынуждая фантазию представлять время, когда тут была человеческая жизнь. Что бы он написал про это? Как незаметно летит время, когда битва за жизнь не обходится без смерти? Почему-то ему в голову приходят тезисы и заглавия, как и сам мотив, определивший отношение читателя к теме, слишком поверхностный, словно он новичок. А ведь этого он никогда не был лишен, всегда умело жонглируя каждым словом и термином, чуть ли не ощущая руками изменение направления отношения к материалу. Окончательный вариант он оставит на потом: сейчас необходимы фото тела, а подпись еще подождет, хотя она уже есть. Цитаты всегда работали лучше, нежели придуманный заголовок, так что смерть Степана и его последние слова дополняют хроники Вектора, которые обязательно пойдут в мир. Вокруг более не было ничего, как минимум на первый взгляд способного привлечь Портера, и, не желая тратить время, он собрался продолжить путь.

Но совершенно неожиданно для него по всему телу отдалось слабостью, той самой, которую ощущают те, кто лишь на словах знаком с физическими нагрузками. Даже пот пробился через лоб, когда он вновь надел нелегкий рюкзак и почти прошел всю игровую, а ведь расстояние всего метров тридцать. Вот что бывает при редком питании и отсутствии физических тренировок – слабость, кричащая о ничтожности ее носителя, сразу же зарождающая простое понимание, насколько легкой добычей он может стать. Все необходимое для пополнения сил было потреблено быстро и тщательно, как и всегда, но в этот раз у него был сосед – тело лежало ожидаемо неподвижно на правом боку.

Собрав рюкзак и подняв оружие, он развернулся к телу и взглянул туда, где были когда-то глаза. Полный осознанности целенаправленный взгляд искал разгадку мучившей его тайны: почему сейчас так трудно? Возможно, из-за того, что перед ним реальный человек, пусть и давно усопший, но уж точно не галлюцинация или воспоминание, коими он кормил себя последние три месяца. Возможно... нет, на том варианте он решил остановиться основательно, списав это на побочный эффект одиночества, пережить которое он смог куда лучше, чем ожидал в самом начале своего заключения в клетке.

Ближайшая дверь на пути к рабочему месту Джил и Крейга оказалась большей преградой, нежели можно было ожидать, и виной тому служит не только его изоляция в четырех стенах, но и влияние единственного материального собрата по трагедии. Такого он не ожидал, а ведь стоило ему глотнуть «свежего» воздуха, как показалось, что преград более не будет. Но все же остановка дала о себе знать, «зона комфорта» существует. Только двери открылись, позволив свету расширить свои владения, избавив от тьмы коридор, он сразу увидел отсутствие рабочего освещения внутри. Двери закрылись прямо за его спиной, сделав его частью всепоглощающей тьмы, лишаящей разницы между открытыми и закрытыми глазами. Стоило бы сразу включить фонарик, но почему-то Портеру понравилось то, где он оказался, словно мягкое одеяло прятало его от всего мира. Не вспомнить детские кошмары, происходившие наяву, было невозможно. Не раз ему приходилось прятаться под кроватью или в шкафу, когда родители ссорились, – а делали они это громко, совсем забыв о приличии и нахождении пятилетнего ребенка рядом. Ненависть, возникающая лишь при мысли о том времени, чуть подтолкнула его к действиям. Свет включенного фонарика рассекал тьму холодной струей, словно расталкивая стены. Портер старался выбраться из кокона, проникающего в самые глубокие воспоминания.

Выход отсюда был в конце, метрах в ста от него. Простой коридор, как и тысячи других, света нет совсем, двери на каждой стороне были закрыты, во всяком случае ближайšie. В таком месте невозможно было не опираться в основном на слух, особенно легко это получалось, стоило ему выключить источник единственного света в своих руках, позволив жить лишь ушам. Вроде бы все тихо – и снова шаги вперед, плавные, неспешные, прекрасно помнящие бегство от хищников очень умело способных использовать вот такие места в пользу своей охоты. Оставив две двери позади с обеих сторон, даже не пытаясь проверить их работоспособность, Портер остановился, прекрасно увидев дарованное лучом света предупреждение: впереди по сторонам открытые двери. А ведь когда-то он только к этому и стремился – открывать двери и рыскать, ища компроматы и все тайны, и это был тот еще азарт. Сейчас же журналист лишь хочет оказаться там, куда ведет его расследование исчезновения ребенка.

Панели не работают, закрыть их снаружи не является приемлемым вариантом, так же как и просто развернуться и найти обходной путь, который, к слову, возможно, таит еще больше опасностей. Портер усмехнулся: неужели его так пугают открытые двери, где, скорее всего, и нет никого, как и на всей долбаной станции! Да, пугают, а все по одной простой причине – он не хочет умирать. Подойдя почти вплотную, внимательно осмотрев вход, насколько позволяет луч фонарика, разумеется, Портер решил аккуратно заглянуть в правую. Перед верстаком в конце комнаты, между стеллажами с запасными частями для игровых столов слева и вертикальной столешницей справа, лежит тело. Почти разложившееся до самого скелета, оно было то ли использовано, то ли само стало причиной, но оба случая крутятся вокруг того, что лежавшее тело словно находилось в неких неизвестных ему ранее черно-белых зарослях, достигающих высоты в пару сантиметров выше остатков человека. Словно некий газон со странного вида зернышками внутри скелета. Не желая приближаться, Портер внимательно осматривал их и, сделав пару фото, подметил, что очень тонкие – веревки, как смог он определить для себя, – тянутся по полу от «острова» прямо в противоположную комнату. Там, в пустом помещении, у дальней стены сидит, опершись спиной по центру, такой же скелет в скафандре, точно так

же подаривший иноземной Жизни свои остатки для создания чего-то иного. Но на этот раз разрастающегося больше по стене, словно тянущегося к потолку.

Они словно зависят друг от друга, медленно, но уверенно взаимно сосуществуют, расширяя при этом свои границы, чтобы... чтобы что? Так думал Портер, делая новые фото, совершенно не имея представления о том, к чему все это может привести, да и должно ли. Возможно, то просто жизнь, которая, как и принято всегда, находит выход из ситуации. Можно ли ее винить за это? Конечно, нет.

ГЛАВА 8

Длинный коридор, освещаемый лишь редкими лучами потолочного света, удивил Портера содержанием, вынудив замереть на месте. Первые метров пять все было как и везде, но дальше – вдоль пола и стен были приклеены (или же, точнее, прорастали) корни: если он мог найти самое близкое определение, то это оно и было. Перед ним были кончики, тонкие, размером с его фонарик, но чем дальше они уходили, тем более расширялись и даже переплетались друг с другом. Крепко держа оружие наготове, он неспешно идет, прекрасно осознавая риски и на мгновение даже пожалев об отсутствии защитной маски. Ведь стоило пройти метров десять, чтобы заметить прорастающие из корней странные цветки. Опять же – самое близкое определение того, что имеет белый цвет и напоминает некий бутон с торчащими из центра ворсинками. Размер варьировался от самых маленьких, немного больше пули пистолета, до прилично больших, почти с крепкий мужской кулак. Они прорастали из крепких, угольно-черных корней, начало которых было где-то далеко. Медленно, шаг за шагом, Портер ступает между корнями, змейкой распростертыми по полу, оставляя свободного места как раз на пару ног. Пока они занимали лишь пол и стены, но не успел он заметить, как и потолок так же не отстает от сдачи территории, причем теперь ему ясна причина отсутствия потолочного света. Корни проросли насквозь, испортив лампы и проводку. Выглядело все как настоящая зараза, не оставляющая на своем пути ничего.

Неизвестно откуда произрастает эта Жизнь, как и неизвестен последующий эффект после расцветания бутонов, которые, на удивление Портера, совсем не вяжутся с космической станцией. Построенный технологический монстр медленно, но верно сдает свои территории другой Жизни, забравшей всех его обитателей без разбора. Отличный материал для статьи может выйти, подумал Портер, шагая вглубь коридора, стараясь занимать свой ум правильными мыслями. Эта Жизнь имеет странный, немного едкий запах, но самое главное – не производит на свет монстров, что уже несколько сбивает его с привычного настроения. Впереди показался выход из коридора в большой зал, и, сверившись с картой на КПК, Портер убедился в правильности пути. Корни загибались за все края, уходя в большой зал, – и, шагнув туда, он окончательно убедился: Вектор больше не безжизненный.

Большой зал для перехода в другие секторы станции, где также стояли столы, информационные зоны и стойка администрации, и все это было покрыто корнями. Каждая стена и весь потолок были захвачены иноземной Жизнью, лишь пол почему-то частично сохранял свою оригинальность – и все это разрасталось в каждый из пяти коридоров. Было сложно понять, откуда это началось, но количество корней было бессчетное. И, глядя на весь этот размах, Портер всерьез и, пожалуй, впервые согласился с тем, что он, возможно, чересчур задержался на Векторе. Сделав снимки, Портер все не мог представить источник подобного создания, но куда больше он страшился конечной формы эволюции.

До нужного лифта на лабораторный уровень, откуда все и началось, было не так далеко, но непредвиденные преграды создавали проблемы. В частности, проблема состояла в наличии у трех из пяти коридоров преграждающих корней: у двух проходов были закрыты двери, поверх которых уже были корни, что более не дают возможности добраться до панели и самих створок. А у одной они так комплексно пролезли и заполонили вход, что оставалось только лезть через них — а этого делать крайне не хотелось, как минимум не зная, есть ли там, дальше, свободное пространство. Зал хоть и был прямоугольным, основная масса корней все же была в одной стороне, где находился ресепшен, перед которым и вышел Портер. В другой, противоположной ресепшену, справа от Портера, где как раз и были две свободные двери рядом друг с другом, Жизнь уже приближалась к освоению. Злость чуть не вынудила его поделиться боезапасом с

преградой, пусть и лишённой сознания, но явно способной ощутить ущерб, – во всяком случае так он думал почти с полной уверенностью.

И вот снова накатило: Портер вновь стал терять контроль над телом, подходя к границе нервного срыва. Так близко... это находится так близко, а он не может туда попасть! Одна из дверей, прямо напротив того коридора, откуда он пришел, намертво захвачена корнями. Ближайший путь в обход займет неизвестное количество времени по одной-единственной причине: там может скрываться все что угодно. Оставив за своей спиной в конце зала огромный распад корней, Портер готовился к следующему шагу вперед. Идти в обход было единственным выходом, и все недовольство Портера было подчеркнуто грохотом раздвигаемых створок.

Вновь увиденная пустота не заставила бы медлить, но в метрах пяти от него, буквально из первой двери справа в стеклянном помещении, торчало нечто. Левая сторона коридора была глухой, но по правой уходили вперед небольшие, похожие на офисные, помещения, сменяющиеся проходом между ними. Свет работал почти весь, холодный оттенок сильно отличался от того места, где были корни, вызвав на всем теле ощущение холода. Но главное – это оно. Словно затвердевшая смола, прячущая в себе тайну, длиной под два метра и с метр в ширину, выпирающая от пола еще на полметра, если он не ошибся с расчетами, поглядывая через прозрачную стену справа. Не сразу закрывшиеся со скрипом двери чуть отдернули Портера, испугав и вынудив наставить оружие на то, что дышало. Прямо посреди этой темно-оранжевой смеси крайне слабо, но все же заметно привыкшему к неподвижной картине глазу поднималось и опускалось самое светлое пятно. Занимавшее лишь десятую часть тела, если можно так его обозначить, вроде бы было неподвижно, даже можно было посчитать его мертвым, кем бы или чем бы оно ни было. Но именно легкий признак жизни, словно биологический сигнал, не давал Портеру возможности просто уйти. Только он решил сократить расстояние для выстрела, как заметил в кабинете еще четыре таких – впереди по коридору одно и справа в кабинете три. Много тут не придумаешь: один выстрел – один труп. Но тут сразу четыре пробудившихся, и то, если повезет убить первого, ибо что там внутри, ему неизвестно.

Лучше идти мимо: альтернативы не видно, главное – не разбудить хозяев этого места. И только Портер оказался в нескольких метрах впереди, оставив коконы за спиной, как услышал то, чего боялся, – пробуждение. Насколько плавно стала заполняться урчанием тишина, настолько резкими мазками рвалась защищающая их масса. Брызги стали окрашивать близлежащие поверхности, позволяя сменить вполне мягкое урчание на проверяющие гортань возгласы. Портер не стал дожидаться полного пробуждения – и, лишь завидев первые появившиеся в некоей жидкости тонкие лапы, обросшие небольшой белой шерстью, сразу же пошел вперед, надеясь избежать конфронтации. Но через пару метров услышал оглушительный крик, вырывающийся из горла неизвестных существ, явно желавших заявить о себе.

Немного ума надо для понимания возросшей опасности. Портер сразу же зашел в ближайший кабинет справа и сел, опершись спиной на стену, оставив всех монстров позади. Теперь они на свободе, ликуют из-за начала новой жизни, даже не зная, что рядом с ними находится готовый завтрак, до которого рукой подать, лишь в одном кабинете от них. Держа крепко дробовик, Портер не знает, что делать: оставить сумку для облегчения передвижения в бою или же переждать их приближение, спокойно ускользнув от взора хищников. Трудный выбор, особенно когда неизвестно, что находится в тех пяти кабинетах по его правую руку, в глубине этого помещения, выход из которого лишь впереди, через пятнадцать таких же «коробок». Он слышит их так четко, словно между ними каких-то несколько сантиметров, отчего невозможно не оглядываться в поисках действительного местоположения. Прозрачные части стен начинались в метре от пола, так что, чуть выглянув, Портер видит впереди дверь. И сейчас всерьез кажется, что он легко успеет добежать до нее, не привлекая внимание тварей, – но стоило ему взвесить ситуацию и собраться сделать первый шаг, как вдалеке очень резко выпрыгнул один из них. Крепкие задние лапки на небольшом теле с двумя передними, но более короткими

аналогами, в сочетании с вытянутой челюстью и парой небольших глаз на такой же волосистой голове представляли собой невысокое четвероногое создание, достигающее в холке не больше метра. «Но разве это – измеритель опасности? Нет!» – думал Портер, ненавидя себя за то, как легко он попал на вражескую территорию.

Они рыщут, голодные от долгого сна, преисполненные готовности реализовать все свои инстинкты, совершенно не имея понятия о чем-то ином, кроме охоты. Вопрос лишь в том, сколько осталось времени до его обнаружения, – а это уже скоро, ведь тот, впереди, явно использует нюх. И худшее только что произошло: монстр взял след, причем сразу громко объявив об этом остальным. Задние лапы стали ведущими, поднявшими корпус почти параллельно полу, из-за чего передними лапками он контролировал стены, пока бежал на добычу с невероятной скоростью. Портер сделал два выстрела, чем чуть не оглушил и себя, и монстра, совсем отвыкнув от такого размаха звука. Монстр упал, облив черной кровью пол и немного забрызгав Портера, с трудом держащего себя в руках от такого наплыва событий. Чуть трясая головой, выкидывая легкий звон из ушей, он сразу же пошел вперед, надеясь добраться до выхода. Но на спину сразу же прыгнул соплеменник жертвы. Рюкзак принял на себя весь удар, поваленный вниз лицом Портер почти сразу же стал предпринимать попытки подняться, но этого было недостаточно, ведь где один – там и остальные. Существо кричало, разрывая рюкзак, пытаясь добраться до первой за долгое время еды, навалившись почти всем телом, вынудив Портера ощутить вес килограммов сорока, что, разумеется, было явно перебором для него в нынешнем состоянии. Счет шел на секунды, ведь хищник умело использовал свои когти, уже разорвав верхнюю часть рюкзака, из-за чего Портер всей силой повалился налево, тем самым уронив и тварь, крепко вцепившуюся в рюкзак. Однако вторая подбежала спереди, и замедлить ее получилось единичным выстрелом в задние лапы, после чего Портер сразу же высвободился из лямок и, развернувшись на месте, снес голову первой. Кровь разлетелась в стороны, и пока он, гневаясь, оттирал глаза, не мог заметить, как тот, безногий, уже почти вплотную подполз на передних лапах, широко раскрывая свою пасть, откуда по-настоящему воняло смертью. Недолго думая, успев увидев это за секунду до ожидаемого укуса, Портер сразу же выстрелил прямо внутрь. Тело упало прямо перед его носом, и в таком положении, прямо у стены, он увидел приближающихся трех других. Но в этот раз они действовали не спеша, явно занимая позиции перед атакой, прекрасно осознавая представляемую опасность их жертвы. Адреналин был на пределе, каждая мысль и действие не заставляли себя ждать ни секунды – и, быстро сориентировавшись, Портер просто сделал два выстрела в одного из монстров. Он не думал о том, нанес ли смертельную рану или нет, главное – промежуток между выстрелом и тем моментом, когда монстры оправятся от оглушения. Несколько секунд – да, мало, но достаточно, чтобы высвободиться и после еще одного выстрела помчаться вперед. Бежать – это единственный выход, ведь стая уже почти окружила его, уменьшая шансы на выживание с каждой секундой. То бегая по полу, то прыгая со стола на стол, порой пробиная стеклянные перегородки, сокращая расстояние, они казались совершенными хищниками, спрятаться от которых или просто убежать представлялось невозможным в этот момент. От страха и адреналина Портера кричал, пока стремительно направлялся к двери, перестав уже оглядываться назад, но точно слыша их и ненависть, которую они высвобождали через крик в адрес сбежавшей пищи.

Дверь оказалась заперта – панель не работала. Патроны он не считал. Выход из сложившейся ситуации был один – драться. Победитель уже был не важен, одно встало у него клином в голове: нельзя умереть без боя. Не оборачиваясь, он сразу же побежал направо, мимо кабинетов. Пробежав два из них, резко свернул направо – и в тот же момент обернулся, надеясь на поспешность преследователей, вряд ли умелых на поворотах. И оказался прав: первого чуть занесло, и его встретил заряд дробовика. Второй и третий врезались в новоиспеченный труп, но вместо выстрела прозвучал щелчок – патроны кончились. Небольшая куча-мала дала

ему драгоценные секунды, и, побежав обратно, к месту предыдущей стычки, Портер не успел добраться до рюкзака, как некое чутье вынудило его спрятаться в ближайшем кабинете, ведь смерть снова встала на ноги. Тяжело дыша, все еще трясась от адреналина, Портер сидел на цыпочках прямо у прохода. Он слышал контакт когтей и пола и примерно мог представить расположение оставшихся существ. Один монстр явно был позади, другой – почти рядом с ним, возможно, прямо за стенкой. Дробовик у него, но патроны кончились, и либо надо добраться до них, либо убить тварей иным способом. Пот стекает по лицу, руки болят, как и ноги, сердце отстукивает слишком бодрый ритм, каждая секунда тянется минутой, все кажется настолько безумным, что хочется просто сцепиться в рукопашную, и если судьба будет не на его стороне, то так и быть, пусть его сожрут... Вот что делает с человеком клетка – отучает от этого, от подобных ситуаций, где на весах всегда стоит его жизнь. Не было такого ругательства, которое сейчас с гневом не прозвучало у него в голове.

Портер ждет. Левая рука вдруг заболела, да так, что захотелось кричать, и лишь чудом он не выронил оружие на пол. Такое было давно, он уже и забыл, но распространение болезни перешло на новый уровень. Терпя боль пронизывающих насквозь всю руку лезвий, Портер зажал в зубах лямку от оружия, почти готовый кричать в болезненной агонии. Вытирая со лба поток пота, мешающий зрению, он вспомнил, что помогало облегчить эту боль. Пронокс у него в рюкзаке, взятый на всякий случай, казался единственным спасением: ведь если он и продолжит так сидеть, чуть ли не скрючившись от боли, то может отключиться, а это – верная смерть. Уже теряя самообладание, он внаглую выпрямился, оглядел территорию, как смог, выплюнул ремешок, стараясь хоть как-то взять себя в руки. Рядом никого не было, и, выйдя, он сразу повернул налево в сторону рюкзака, лежащего рядом с тварью, – просто шел вперед, тяжело дыша и крепко держа дробовик за ствол, словно битую. Оглушающий зов тварей подал сигнал о его обнаружении. Содержимое рюкзака было на полу, все на виду – бери не хочу. Одна из тварей поела его обед и, не заметив приближение хозяина, огребла ударов прикладом ружья, наносимых правой рукой с размаха. И только тело повалилось на пол, Портер взял нож из кобуры и воткнул прямо в голову, между небольших глаз. Не проверив приход смерти, Портер сразу же взял капсулу пронокса и только засучил рукав, чтобы найти место с голой тканью, как прямо на руке увидел приклеенную скотчем небольшую бумажку с надписью «вспомни Харви». Он сделал это на всякий случай и сразу же замер, ведь имя это значило многое. Человек с этим именем оказал самое комплексное влияние на жизнь Портера на Векторе, а его мемуары стали чуть ли не сводом правил, где опасность пронокса была в первом ряду.

Два оставшихся монстра не успели добежать. Портер, неожиданно обретший трезвость, взял пистолет из сумки и, развернувшись и упав на пол, прицельно произвел все выстрелы. Одна тварь упала в метре от него, вторая – в двух. Наступила тишина, неожиданно режущая ухо. Рука все еще болела, но почему-то куда-более терпимо, что навело на пару мыслей: либо все становится хуже, либо он адаптировался.

С трудом поднявшись на ноги, все еще находясь в некоем шоковом отходняке, пришлось внимательно осмотреть проходы, и, лишь вернувшись к рюкзаку, он дал себе слабину – стал кричать изо всех сил, отдавая этому месту и боль, и гнев от победы в турнире на смерть. Сидя на коленях, в треморе всего тела и боли каждой мышцы, он вытер лицо и ладони мокрой тряпкой, используя питьевую воду, доел то, что осталось от обеда, выпил оставшуюся жидкость и просто сидел на коленях еще какое-то время.

Ощувив приятную легкость в теле, Портер повернул голову направо и увидел вдалеке ту самую запертую дверь, что было бы вполне ожидаемо, если бы не одно «но»: панель работала. Отсюда отлично виден зеленый оттенок, пробивающийся через пыль и слабое освещение в конце. Медленно встав, не сводя взгляда с объекта внимания, Портер, чуть шаркая, дошел до двери и нажал на панель – дверь открылась. В лицо ударил более яркий свет, нос почувствовал чуть иной, более мягкий запах, а сам он как будто познал чувство предательства... Его стало

еще больше трясти от гнева, он ощущал ту самую кару судьбы, словно обозленной на него за провинности, из-за чего желающей замучить его всеми извращенными способами. Но на деле страх был вызван напоминанием о том, что он, Портер Уитман, часть станции Вектор уже крайне давнее время, даже, как осознал он четко и ясно сейчас, слишком давнее. Подобные галлюцинации – естественный исход жизни здесь, и он успел позабыть о таком явлении, ведь все время нахождения в клетке он отдавал себе отчет о каждом событии и, если надо, сразу же подгонял любой объем и состав под необходимую ему форму.

Из рюкзака забрал коробку патронов, пару обойм для пистолета, разложил все это в наружных карманах куртки. Зачесав грязные от крови и пота волосы назад, растерев рукавом бороду, на которой скопились останки монстров, Портер смиренно двинулся вперед, прекрасно понимая, что отныне правила пишет не он – ему придется лишь следовать им.

ГЛАВА 9

Портер уверенно шел вперед и, встретив очередную развилку в четыре стороны, свернул налево, как бы обходя большой кусок сеточной планировки. Тишина вновь была встречена им благосклонно, хоть и расслабляться он себе не позволял, да и не мог. А вот встреченная ранее идеальная чистота, словно запечатленная в момент, сменилась разрухой и грязью вперемешку с кровью разных оттенков и цветов, ведь существа здесь не все имеют тот же багровый оттенок бурлящей жизни в организме. Следы бойни были заметны везде, начиная от отдельных кабинетов, заканчивая целыми высохшими лужами крови или чего-то неопознанного, распростертого на десяток метров вперед коридора. Каждый его шаг отнимал все больше чистоты и порядка, погружая Портера в самую пучину ужаса, где свет все реже радует его глаза и все чаще приходится наблюдать последствия смертельных поединков, вряд ли происходивших по правилам равенства весов и справедливости судейства. Сам воздух кричал ему о последствиях бойни, где победителей не было, и ему приходится самому дорисовывать последние минуты жизни не только разных невообразимых существ, но и самих сотрудников Вектора, встретивших неравные силы.

Портер снова свернул налево. Держа оружие перед собой в надежде на чье-то появление, ведь адреналин еще стучит, да и ждать нападения, охотиться или прятаться ему не хочется: лучше в лоб, без прелюдий, дабы разобраться и идти дальше, а не тратить время, которого, судя по возвращающейся боли в руке, у него нет. Перед ним на большом распутье дорог, лишенных освещения метров на десять вокруг, встала дилемма, решить которую изначально мог план территории на КПК. Но, как оказалось, еще во время драки он получил повреждения: экран встретил несколько ударов во время последней стычки, защитив владельца от колотой раны в области печени. Ища помощи у окружения, Портер все искал правильный маршрут, пробиваясь через тьму лучом света фонарика. Перед ним две двери с разницей метров в пять и два коридора слева и справа, лишенные освещения.

Выбор хоть и приличный, но все же Портер неплохо разбирался в планировках и картах – и, насколько мог помнить, надо держаться левее, как бы загибая крюк. Слева была тьма, сменяющаяся на удивление ярким освещением метров через тридцать. К его счастью, есть фонарик, расстояние было преодолено быстро, даже не потребовалось оглядываться больше двух раз. И как только он встал под ярким потолочным светом, несколько его слепящим, то не успел и оглянуться вокруг, как вновь оказался во тьме. Лампы не просто перегорели – они упали вместе с креплениями, чуть не разбив Портеру голову. Словно что-то выбило все это из потолка, и если бы Портер не стоял чуть с краю, вглядываясь в следующий коридор, то отделаться лишь царапинами на спине не получилось бы. Его словно что-то толкнуло, нанеся порезы острыми, как лезвие бритвы, кусками железа прямо вдоль спины. Вскрикнув от боли, он упал на пол, вновь оказавшись во тьме. В ту же секунду он подобрал упавший в метре от него фонарик, выпавший из руки при падении, и первоочередно проверил периметр: никого не было. И только Портер собрался проверить спину, поднимаясь с пола, чуть не готовый накричать и ударить хоть кого-то, кого можно обвинить в этом происшествии, как вдруг увидел метрах в двадцати работающее освещение. То были диодные ленты, ограждающие проход в данную территорию из-за ремонтных работ. Диоды в треть метра высотой были закреплены между стенами, все же мягкий материал с надписью «проход запрещен» с внутренней оранжевой расцветкой и красной на ребрах должен быть замечен издали, но почему-то Портер только сейчас увидел их. Одна лента была под самым потолком, другая на уровне глаз, еще одна – на уровне колен. На фоне крошечной тьмы вид был невероятно красивый, причем здесь находятся не только эти три – впереди несколько поворотов и комнат, и у каждой почему-то есть подобные на разных

уровнях. Все они позволяют видеть глубину коридора и все повороты, это выглядит для него настолько необычно и даже завораживающе, отчего выключить фонарик – не такая уж плохая идея. Все же надо экономить батарею, а этот вид – хоть что-то красивое на этой станции для Портера. Полностью усыпанные диодами ленты легко отлипали от стен благодаря магнитам, и, сняв одну лишь левую сторону, Портер перешагнул через нижнюю и вновь закрепил среднюю.

Идя между ними, он ощутил практически радость, словно ребенок, впервые увидевший гирлянды или световое шоу, совершенно забывая обо всем вокруг. Иногда даже позволяя себе улыбнуться и потрогать источники такого яркого света, находясь на грани от радостных слез, словно вырвавшихся из другой, совершенно далекой от него жизни. Простейшие вещи, способные вызывать такие яркие чувства, практически отвлекли его от всего мира, словно он и не на Векторе вовсе, а промелькнувшая мысль переехать сюда или же оборудовать подобным атрибутом свое убежище безотлагательно закрепила уверенность того, какое почти девственное счастье пробудилось в нем.

Здесь почти в каждом углу и комнатке были те или иные вещи, явно принесенные для организованного лагеря, не рассчитанного на долгий срок службы. Все убрано по углам, упаковано и готово к моментальной по необходимости транспортировке. Только довольно странно, что половина сумок и ящиков пуста, – во всяком случае так ему это видится на расстоянии. Приближаться он почему-то не хочет, словно боится навредить этому месту, вот-вот грозившему развалиться при единственном касании, будто давно выстроенный песочный дом только и ждет момента, когда наконец расслабится.

Последние двери перед выходом, те, что были справа и не содержали диодные ленты, привлекли его надписью, хорошо видимой при таком красно-оранжевом освещении, ныне бьющем ему в глаза справа стороны. Надпись была проста: «Мы заслужили это».

Заблаговременно Портер включил фонарик, не зная, есть ли там освещение, ожидаемо боясь неизвестности и того, что может решить напасть сразу же. Но вместо хищников увидел лишь крайне знакомую картину: спальное место по правую руку и вдоль дальней стены, остатки провианта на столе слева, разные медикаменты на полке там же и много всяких вещей, но главное – это отсутствие кого-либо. Явно давно заброшенное убежище обладало специфичным запахом и даже неким уютом. На столе лежит КПК, причем давно уже успевший собрать на себе пыль. Включив его, Портер нашел лишь одну видеозапись. Казалось, он сразу же нажмет, и, разумеется, уже даже поднес палец к кнопке, но почему-то остановился. Оглянувшись еще раз, ему было не сложно догадаться, о чем будут слова: прощание, мольба о помощи или ненависть в чей-то адрес в предсмертной агонии... Ему это уже надоело – одно и то же, словно ничего иного тут никогда не будет, а за долгие месяцы уж слишком часто он читал последние письма и видел слишком много посмертных прощаний. О чем тут может идти речь, если существует лишь одна-единственная тема, просто у всех она в разных стадиях, и крайности – жизнь и смерть. Скорее всего, там будет рассказ о том, как здешние работники оборудовали эту комнату, чтобы переждать весь ужас, или же в смиренном ожидании спасателей, боясь сами драться за свою жизнь с монстрами и психами, ведь их этому не учили. Все эти таблички в коридоре и у дверей наверняка используются для своеобразной сигнализации, ведь просто так их не пройти, поэтому каждое место стыка обведено маркером, чтобы было видно смещение, если кто-то решит переустановить их. Причем фонарики в этой комнате есть, а значит, вся темнота была создана искусственно, хотя это не самый умный план: все же такие надписи могут как раз привлечь нежеланных гостей. Но, может быть, это убежище было временным и они лишь выжидали момент, возможно даже, что кто-то был ранен, все же не зря тут много бинтов и медикаментов. Можно даже предположить проблему в перемещении своим ходом, из-за чего либо нужно было время на восстановление, что не укладывалось в запасы еды, либо необходима была помощь, за которой могли отправиться. Но все это не объясняет отсутствие здесь мертвых тел.

Он вновь взглянул на КПК, задумываясь о том, как подобные выводы могут лишить его цели, ради которой он покинул свою клетку. Что если там все просто и понятно, и нет слов которые его удивят, и нет поступков, которые он осудит, – конкретный набор сценариев, предсказать финал которых можно уже на полпути. Портер решает не смотреть видеосообщение. Причина проста: если он посмотрит, то шанс разочароваться намного больше, нежели увидеть и узнать что-то новое. И пока он не знает, может смело и дальше верить в сокрытую тайну истории семьи, иначе, разочаровавшись здесь, он вряд ли сможет поверить в удивительную разгадку там. Оставив все на своих местах, Портер молча вышел из комнаты, позволяя себе насладиться нераскрытой историей, вновь представляя в голове все неведомое и необычное, будоражащее его фантазии и азарт, как в любой момент перед раскрытием загадки, не дающей покоя уже давно.

Выйдя из этой части станции, наконец оказавшись вновь на свету, Портер пошел вперед к небольшому залу. Там стоят автоматы с напитками и едой, диваны и большой монитор на стене, прямо напротив него. Обычный трехсторонний перекресток, где на стене впереди разбитый экран. Разумеется, никакой еды и воды уже нет, причем давно, а забрали их, не чураясь применения физической силы, проверяя на прочность стекло и основную крышку. Одним словом – разгромом здесь не обошлись: явная борьба с кровопролитием и несколькими фигурантами этого дела, численность которых, как мог судить Портер по опыту осмотра мест чрезмерной активности, явно превышает трех человек... или существ. Вернув диван на изначальное место у стены справа, прямо перед поворотом направо, Портер не просто сел, а именно упал на него, ощутив расслабление во всем теле, в частности в ногах. Он устал – это чувствовалось каждым сантиметром тела, причем подобного отдыха не хватало настолько, насколько сейчас ему совсем не чувствуются царапины на спине, которые стоило бы осмотреть. Но сам он сейчас к этому не готов. Да и что уж там, раз кровь еще не потерял, то бояться нечего, хотя, не будь он настолько обессилен, наверняка соприкосновение спины с диваном, пусть и мягким, все же переносилось бы не так легко, как сейчас. А вот голод и жажда наверняка стали бы главной проблемой, не начни снова ныть левая рука, причем уже у самой шеи, крича о прогрессирующей мутации, финал которой он пока не хочет даже представлять. В такой момент главное не уснуть, все же путь был долгий и тернистый, а он не герой, не солдат, да еще и долгое пребывание взаперти и не самая лучшая диета забрали слишком многое, что ныне приходится наверстывать, опаздывая все время на десяток шагов.

– Хреново выглядишь, трудные деньки? Да, прости, это несколько глупо звучит, словно мы беседу ведем. Хотя это ведь последнее, что тебе сейчас надо, верно? Верно... Ты не пойми неправильно, я не пристаю и не навязываюсь, да и не пытаюсь вовсе наставлять. Что ты, куда уж мне, я всего лишь человек. Всего лишь такой же человек, как и ты. И это, между прочим, главный показатель моих добрых намерений, если ты уже начинаешь подозревать меня в каких-то мыслимых – ха, смешно все это, да и что уж там – даже неммыслимых поступках. Я не причину вреда, ты не подумай лишнего, хотя, прости, начинаю заговариваться, есть у меня слабость. Просто... когда редко общаешься с людьми, да еще и те, кто дают такой шанс, – не самые лучшие и воспитанные, то ненароком боишься упустить или спугнуть адекватного... не знаю, просто хорошего человека из виду, а это легко. Ты уж не считай меня наивным дурачком, я не верю каждому на слово, нет, нет, нет, только не я. Просто, ну, как бы... ты здесь один и явно пережил не лучшие моменты в своей жизни, может быть, худшие, но, это, конечно же, решать лишь тебе, не подумай, я не берусь делать твою работу за тебя, не осуждаю, просто говорю... Так вот, ты похож на того, кто очень одинок, что я могу отлично понять, ведь... Ладно, надо уметь признавать свои слабости, так что, вобрав все легкие, скажу, что я очень одинок и сам в этом виноват. Это так, я признаю и не хочу начинать наше общение со лжи, вот, именно так. Надеюсь, это не составит проблем и не создаст преград между нами, хорошо? Хорошо. Ладно, я не буду навязываться, понимаю, сейчас не самый... как бы сказать, помоги мне, да, точно,

нет... Вот! Подходящий момент, тебе надо отдохнуть, и это даже дурак поймет, ты только глянь на себя, словно вечеринка оказалась не по плечу... Прости, плохая шутка, вот так всегда у меня – кажется, понимаешь, когда стоит съюморить, а на деле еще больше позоришься. Так, соберись – это я себе. Ты – молодец, отдыхай, а я буду тут неподалеку, вон там, чуть вперед и за углом вторая дверь... Эм, ну, это, типа... рад был пообщаться... Надеюсь, все будет хорошо, и-и-и-и м-мы... в общем, ты знаешь, где меня найти, больше не отвлекаю, извини еще раз – надеюсь, ты в порядке и, как бы, это... Извини, если надоел, это со мной бывает, а в нынешнем положении... Ну, ты и так все знаешь, что уж я буду болтать лишнее. Так, все, ушел.

ГЛАВА 10

Портер медленно поднялся, все еще чувствуя боль там, где она была, и все так же держа оружие в руках, – только вот остальное было приглушено, будто бы исчезло вовсе... Он словно витал во сне или после хорошей отсыпки, несколько ватный, двигался туда, куда ему указали. Медленно, шаг за шагом. Его передвижения были спокойны и легки, в то же время ум его был словно под прессом, лишавшим каких-либо чувств или переживаний, будто бы, смирившись со всеми тяготами, просто принимал грядущее.

Он оказался у нужной двери так плавно, словно путь был по самому известному и безопасному месту: путь, который он будто проделывал уже не раз, ведь он даже не оборачивался по сторонам и не проверял направление – действовал лишь по наитию. Створки двери были выломаны, а проход закрывал поставленный на бок стол, который был задвинут за его спиной, только он вошел вовнутрь. Портер оказался в небольшом убежище, неизвестно как используемом ранее. Все стандартные атрибуты присутствовали, во всяком случае, как он мог судить благодаря периферическому зрению: ведь, войдя, он просто сел на ближайший стул, справа от входа, прямо у стены. Взгляд его был где-то в стороне.

– Я рад что вы пришли, уверен, вам хочется отдохнуть, и меньшее, что я могу дать, – это немного воды и еды. Как видите, сам я не сыт, хотя всегда был худым, даже, что уж там скромничать, хлюпиком еще тем. Мама говорила, что благодаря этому у меня доброе сердце, – мило, правда?

Он сидел на стуле напротив Портера, прямо у стола вдоль правой стенки, а слева было спальное место. Единственный голос был таким юным и преисполненным жизни, будто нетронутым всей историей Вектора. Как и сам воздух словно был чуть чище, а окружение – чуть ярче, даже запах словно отдавал мягкостью. Все это неуловимо дает о себе знать, словно точечными всплесками подает признаки своего существования, но стоит хоть чуть задуматься об источнике этой новизны, как все сразу же теряется.

– Уверен, может возникнуть много вопросов о том, как я тут оказался, что я здесь делаю и кто я вообще такой. И вот это все, но все ведь должно быть хорошо, верно? Вы кажетесь хорошим человеком, а у меня, как говорила мама, доброе сердце, и я легко смогу отличить негодяя от хорошего человека, и вот вы... Вы, ну, честно, кажетесь мне очень хорошим человеком, уж извините за такую прямоту, но я если и хочу что-то сказать, то редко могу промолчать и сделать это правильно, вы меня понимаете. Во всяком случае так, чтобы нравилось всем, хотя мама говорила, что честность превыше всего, и поэтому я всегда стараюсь быть честным, потому что если я не честен, то ведь и другие не должны быть честными, поэтому я стараюсь быть таковым!

Портер не может двигаться – не из-за внешнего влияния, которого, к слову, нет, как и не из-за страха, а по самой просто причине – выжидание. Шанс на такое событие вполне реален, и в какой-то глубине он позволяет себе чуток удивиться тому, как неожиданно это произошло. Хотя он давно на этой станции, должен был уже хоть кого-то вот так да встретить. Но главная причина, главенствующая буквально над всем, была проста до невозможности – адаптация, для которой нужно время.

– Наверное, будет слишком, если я попрошу вас стать моим другом... Как вы можете догадаться, их у меня немного. Да что уж там – совсем нет, я непопулярный... Чуть не солгал, а ведь только что доказывал свою честность. Вот же я дуралей, смешно аж, ведь мне скрывать нечего, я открытая книга. Что интересно, как раз книги мне больше подходят в роли друзей, нежели другие ребята моего возраста. Они... они все шумные, порой агрессивные, сами не знают ничего – понятное дело, молодые, все такими были, но мне трудно находить общий язык

с такими людьми... Здорово было бы иметь друзей, здорово было бы не быть одному... С книгами проще, часто автор становится другом. Мама научила понимать это, чувствовать, когда автор, рассказывая историю, словно общается с тобой. Это... это очень интересно, мы с ней часто гадали по тексту автора, каким он был человеком, устраивая игры и даже давая всякие задачки, – очень интересно. Жаль, что все в это не играют, я бы тогда был самым первым! Разумеется, она знала их всех, все же Интернет полон автобиографий и историй – но мы играли в игру, где я пытался понять автора и узнать его. А вы любите читать?

Портер чувствует на каком-то неведомом уровне разницу между этой встречей и той, которая происходила не раз у него в клетке с отцом или матерью. Словно два совершенно разных мира, отличающихся настолько сильно, насколько мало у него есть в запасе слов для описания этой пропасти.

– Да, вы правы, порой кажется, что я дурачок и болван тот еще, болтаю да болтаю. Но мне очень одиноко одному, а читать и общаться вживую, с реальными людьми – это разное, слишком разное. Будь люди такими же понятными, как рассказы или романы, наверное, я бы оказался здесь, наверное, я... Вы ведь расскажете моей маме, что я не виновен, правда?

За все время он не сделал ни одного движения, кажется, даже не моргнул, а дыхание работало ровно для поддержания жизни. Теперь ему ясно точно и наверняка: все изменилось.

– Тебя не должно быть здесь, – с невероятным трудом и почти шепотом произнес Портер, выговаривая каждое слово из-за пересохшего горла.

Практически еще ребенок – мальчик в возрасте одиннадцати лет – смотрел на него наивными глазами из-под опущенной челки. Светло-голубые глаза были полны добра и располагали к себе, невзирая на любые слова или даже поведение. А худенькое тело и небольшой рост лишали его возможности испугать или негативно настроить к себе любого человека, кто оценивает степень угрозы по внешности. Он был очень добрым, вполне приличным, хоть и нервным, что не раз выражалось не только в бесконтрольном потоке слов, но и через активную моторику и небольшую дерганость. Он смотрел на него чуть снизу не только из-за небольшого для своих лет роста, но и по причине наблюдения за Портером из-под бровей.

Его отец покинул маму еще до родов. Как не единожды она рассказывала сыну, его биологический папа умер, спасая людей при пожаре, что, разумеется, было ложью: ведь он всего лишь был неизвестным мужиком, с которым она провела ночь, надеясь хоть на какую-то любовь и внимание. Что было странно, ведь сама мама была лишена каких-то отвращающих внешних дефектов или ментальных расстройств, вполне способных при их наличии мешать спокойной семейной жизни, не говоря уже о воспитании ребенка. Глядя на нее и на мальчика, легко было увидеть сходство практически во всем, что было ожидаемо для воспитания лишь матерью-одиночкой, передавшей все свои черты и даже манеру речи единственному сыну, заменившему ей всех вокруг. Но она не была плохим человеком, как и мальчик не был плохим ребенком. Главная же особенность состояла в том, что чем больше ты отличаешься от других, тем меньше ты их понимаешь. Мама работала библиотекарем, вела как физическую базу, так и электронную. Она работала постоянно, желая дать сыну не только все возможности, но и заработать на высшее образование, мечтая об успехе ее ребенка. Разумеется, ее влияние и порой чрезмерная забота не позволили ему развиваться на уровне сверстников в школе, отчего он явно отстал в социальной системе и в итоге стал настоящим изгоем, что привело его к наличию лишь единственного друга – мамы. Он зачастую работал с ней, хотя как сказать – работал... Просто проводил свободное время, сидя за книгами: так и ему приятнее – ведь не надо быть в странном и порой враждебном окружении, и ей было лучше, видя своего мальчика все время перед глазами, зная, с какой пользой он проводит время в отличие от других детей.

Так бы и длилась их жизнь, в целом не мешающая никому, а в перспективе вполне способная создать гения или же просто заботливого сына, возможно, даже мужа, – почему нет. Но мальчик все же старался стать более социально активным, мечтая приходить в школу и

не бояться внимания кого-либо, обычно несущего с собой худшие эмоции, приставания и задирки, все-таки дети есть дети. Тогда он подошел к девочкам – попросить помощи в выборе подарка маме на день рождения: на удивление, они были благосклонны к нему и его просьбе и в итоге дали совет, конечно, в меру своих знаний и сил. В этой просьбе крылась не только тяга к общению с другими одноклассниками, но и откровенное желание удивить маму, все же девочки вполне могли знать лучше, чем он, каким подарком можно удивить взрослую женщину. Чтобы мама не распознала готовящийся подарок на ее день рождения через какие-то пару дней, мальчик купил его и хранил в школе, за что был благодарен классному руководителю, которой было приятно помочь, особенно зная, как дорого такое внимание уже в прилично зрелом возрасте. В важный день мальчик забрал подарок из учительской и пошел домой.

Над ним подтрунивали и ранее, даже порой унижая за его непохожесть на других, – тихонь мало кто любит, – и за чрезмерную опеку мамочки. Но в тот день палку явно перегнули. Когда он возвращался домой из школы, к нему пристала пара ребят из его класса, в целом ранее не приносивших ощутимого вреда, как минимум если коснуться вопроса физического влияния. Официальная версия: они стали приставать к нему, желая узнать содержимое подарочной упаковки. Разумеется, дети не умеют контролировать силу, да и переизбыток энергии никуда не денется в таком возрасте без существенного вопроса в воспитании, но это не нуждается в разжевывании. Тогда они были лишь втроем, и мальчик, неся подарок маме, вышел из себя и сделал некое подобие удара по задире, тому, который был повыше. Тот упал и сильно ударился об угол садовой скамейки, через минуту он умер. Разумеется, начался шум, которого не просто никто не ожидал в обычный день обычной жизни: это было настолько громко, насколько необходимо для полного оцепенения всей школы и района, ведь мертвый ребенок – это нонсенс, а убитый другим ребенком – такое не остается бесследно даже после окончания расследования и вынесения приговора.

Портер смотрел на него, видя неизменное лицо, словно вырванное из того времени, годы назад.

– Я скажу сразу, чтобы мы разобрались со всем, – строго и уверенно начал Портер, медленно, четко проговаривая каждое слово, словно верша судьбу, где нельзя ошибаться или отдавать власть. – Я сделал тогда то, что считал правильным. Это моя работа, ничего личного тут нет. Я не чувствую вины, я не считаю, что это был плохой поступок. Я лишь напечатал статью: поведение людей, решение судьи – это все не моя работа, и не в моей власти было то, как они все будут себя вести. Справедливость – очень относительное понятие.

– Ты выставил меня психом, – совсем иным, более взрослым тоном произнес мальчик. – Ты напечатал большую статью, которую прочли люди – наши соседи, у меня в школе, у мамы на работе. Никто не верил мне и маме, никто не верил адвокату – лишь какие-то единицы. В глазах людей я стал психом, а мама – матерью психа. Наши жизни были разрушены ложью, которую ты написал. Ты это знаешь. Просто убитый мальчик был сыном матери-одиночки, у которой было еще три ребенка, она была лучшей жертвой. Ты сделал этот выбор после того, как обвиняемый и его мама тебе доверились, рассказав всю правду о том, что никто никого не бил, это было случайное падение, в котором виновата лишь жертва, оступившись на пустом месте. Но второй задира решил свалить вину на мальчика с подарком, потому что испугался обвинения. Да, не ты судья, не ты полиция, но самое ожидаемое – это убийство по неосторожности, детская колония. Пережить можно – ты сам так думал в тот момент, что ничего с парнишей не случится, верно? Только забыл, что газета – это власть, и когда начался шум, к мальчику относились уже не как к ребенку, а как к психу с психованной мамашей. Люди и закон – это разные вещи, благодаря тебе первое стало страшнее второго.

Портер все это слушал в полном монументальном спокойствии, не двигаясь и почти не дыша. Его не глодала совесть, пусть боль и отдавала по всему внутри, он не ненавидел себя, хотя и подходила ощутимая тошнота, он не хотел ничем парировать, хоть и был уверен в досто-

верности своих слов. Это не было тем, что могло его сломать, – скорее наоборот, он чувствовал прессовку, ту самую, после которой становишься крепче, ведь не отталкиваешь, а усваиваешь, принимаешь это и учишься с этим жить.

– Для чего весь этот спектакль? – Портер посмотрел на мальчика тем самым взглядом, который уже не переубедить, не подкупить и уж точно не сломить: настоящий сконцентрированный тонный покой, кричащий о силе характера, требующий, чтобы с ним считались.

– Как и подобает человеческой памяти, она хранит лишь самое важное, а это либо прекрасное, либо ужасное. Время вспомнить. А когда происходит подобное у человека? Правильно, когда он умирает.

ГЛАВА 11

Необходимый лифт, ради которого Портер делал крюк, оказался минутах в десяти ходьбы от того места, где он встретился со своим прошлым. После последних слов мальчика Портер словно проснулся и, оглядевшись, увидел лишь пустоту, с единственным стулом, на котором он и сидел, а двери были открыты. Галлюцинация – настоящая, она была куда реальнее, нежели его встречи и общение с родителями в клетке. Это и пугает, что есть некая градация... Хотя все это глупости: просто память начинает подводить, а восприятие закономерно барахлит. Ему еще повезло, думает он, вспомнив историю Харви Росса, человека, пережившего слишком много, но обретшего покой, оставив Портера взаперти, тем самым подтвердив важность великого дела журналиста.

Двери лифта открылись с безумным скрипом, словно их ломали. Звук металлических костей был страшнее любой угрозы, которую, к слову, Портер смело мог ожидать в открывшейся глазу темноте. За дверьми была непроглядная тьма, а свет из лифта лишь на полметра отхватывал территорию, показав голый пол без признаков жизни. Казалось, перед Портером самая настоящая угольная пропасть, достаточно черная для зависти самого космоса, лишённого звезд. В краткий момент он всерьез ужаснулся тому, что перед ним космический простор, шагнув в который он уже никогда не вернется обратно, как и не найдет ни края, ни границ. Подобное было скорее похоже на страх высоты, легко пробирающий до костей при одной лишь мысли. И тут, вопреки простым доказательствам обратного в виде наличия кислорода и рабочей искусственной гравитации, Портеру понадобилось чуть больше времени для прихода в себя. То ли фантазия взяла все рабочие смены, то ли его еще не отпускает после последнего разговора с призраком прошлого, но чувствует он себя ослабленно, хотя вполне могут сказаться голод и обычная усталость.

Преодолев внезапно ворвавшийся в его мир страх бездонности, Портер оказался в небольшом зале, от которого расходятся четыре коридора: два влево, два вправо. Места тут было немного, отчего теснота вдруг стала давить на него, а окружающая темнота всерьез имитировала физическое давление на Портера со всех сторон, словно он протискивается в плотный материал, и куда легче вернуться назад, нежели пробиваться вперед. Но в нынешнем состоянии он только рад такому эффекту от самых простых стен, в самом банальном неработающем освещении, ибо подобное намного легче перенести, нежели понимание приближающейся смерти. Взглянув на разметку под потолком, Портер быстро нашел нужную лабораторию – конечно, если изначальные данные его были достоверны. Сразу налево от лифта. Фонарик помогал видеть всю эту нетронутую пустоту, словно тут и не было никаких монстров, мутаций или простой битвы с летальным исходом. Подобное место в самой низине станции, куда непосвященные и без допуска люди не могли попасть, всерьез выглядело и ощущалось потайным подвалом, специально устроенным так, чтобы каждый даже случайно оказавшийся здесь понял: это секретное место. Где-то на этом уровне когда-то был его друг, помогавший с поиском жестких дисков и серверов, отсюда Портер и знает о Джил и Крейге. Друг, которого он ни разу не видел, но слышал и вел с ним разговор, отчего и успел посчитать его таковым. Только вот судьба того человека... Лучше и не вспоминать о случившемся с ним в итоге, отдергивал себя от той истории Портер каждый раз.

Специальное расположение вдали от жилых блоков и всех рабочих зон, даже лабораторного уровня, эта зона – внешнее кольцо центра главных умов Вектора, спрятанных от жителей. Закулисье, простыми словами.

Раздумья сменил разговор – так естественно, так непринужденно, словно был продолжением тех самых мыслей, спрятанных у Портера в голове.

– Было только начало твоей карьеры, и ты решил осветить трагедию – похвально, но ты больше стремился поднять шум, а не сказать людям правду.

Портер чуть промедлил, услышав позабытый голос, что заставило задуматься о том, насколько он теперь может отличать воспоминание от фантазии воспаленного и взбунтовавшегося разума, ведь после слов мальчика он уже не знал никаких границ.

– Какую правду? – не обращая должного внимания, словно его просто окликнули на быструю тему, спросил Портер, даже не глядя на собеседника. – Это ничего бы не изменило, потому что вердикт вынес не я, а суд.

– Снимаешь с себя ответственность – этому я тебя не учил...

Сам не ожидая такого от себя, он обернулся и встретился взглядом с отцом, смотревшим на него все так же, как и всегда, вынудив его не просто отстаивать свою позицию, а гневаться, ведь обвинения на этот счет Портер ожидал от кого угодно, но точно не от отца.

– Нет, ты учил ставить приоритеты, выбирать меньшее из двух зол – и я выбрал! Если бы я не сделал этого, им бы все равно досталось – уж не повезло, бывает. Сраная жизнь – жестокая сволочь, нам ли не знать с тобой, отец! Тогда встал вопрос ребром: либо я спускаю на них собак, либо меня прикроют и не дадут работать нигде. Почему так? А потому, что этот скандал шел на руку директору той сраной школы, как оказалось, имеющему неплохие связи, и обвинить мать троих детей в плохом воспитании задиры, который многим детям жить не давал, – это куда хуже, нежели ребенок-затворник с такой же мамашей. К тому же, отец, не было ничего! Лишь один свидетель, уверенно указавший на изгоя. Это очень хуевое положение, где мне дали выбор, – и я выбрал.

– Ты игнорировал версию мальчика и мамы, боясь оказаться обманщиком больше, нежели беспокоясь о судьбе невинного.

– Знаешь, да, ты прав, я сделал это! Тогда это казалось приемлемой жертвой – кажется и сейчас, ведь это всего лишь один сраный человек. Если бы я ради него угробил свою карьеру, как и жизнь классного руководителя и еще половины школы, допустивших травлю, то не попал бы сюда и не рассказал бы всему миру правду о тысячах погибших, таких же, как и тот парнишка. Стал ли я от этого плохим – возможно, но мне плевать на это, ведь ты сам всегда говорил, что плохой и хороший – это лишь ярлыки, навязанные теми, кто не видит общей картины и не знает всей правды. Надо будет – поступлю так снова, сделать меньшее зло ради большего блага – это реальность нашего сраного мира.

– Ты забыл... неужели ты забыл? – Лицо отца неожиданно оживило удивлением, таким неприкрытым, даже вызывающим. Сын никогда не видел у отца подобного.

– Что, о чем ты опять говоришь?!

Уже устав от разговора, Портер почти не слушал, реагируя скорее машинально, пока вновь стал идти по коридору.

– Нет, ты помнишь, просто не хочешь говорить об этом, не хочешь даже думать...

– Пошел вон! – не скрывая гнева, Портер крикнул самому себе, как бы выгоняя все это из головы, – и, оглянувшись, он все же увидел привычную пустоту.

Портер отчищал свой ум от последних слов отца в угоду трезвости мысли, ведь наконец он здесь, в лаборатории Джил и Крейга. Ввел код доступа для открытия явно бронированных дверей, вполнину больше стандартных на Векторе, причем здесь, на этом уровне, все были подобного типа. Его фанатичность в работе вновь оправдала себя: он нашел нужный открывающий набор цифр в одном из писем, когда Крейг написал Никите на всякий случай, ведь в тогдашней ситуации велик был шанс сына добраться сюда одному и таков же шанс задержки родителей на пути к встрече в этом безопасном месте. Двери медленно разошлись, причем их размер еще больше подкинул дров во взбудораженность Портера, явно доказав своим видом и звук, особенность этого места. Портер вновь увидел темноту и, не поднимая фонарика, просто сделал два шага вперед, словно сбегал от прошлого навстречу лучшему будущему. Двери

медленно стали закрываться, яркий свет ударил ему в лицо достаточно неожиданно и сильно, дабы прикрыть глаза обеими руками.

Зал слева был полностью сокрыт металлической створкой, где на центральной панели необходим был код доступа. Центральный же зал был в основном пуст, вдоль дальней стены были отсеки для хранения каких-то материалов – двадцать квадратных контейнеров с глухой крышкой. Все это крепилось в стене, содержимое их неизвестно, как и неизвестно для него, что за странные приборы и оборудование расположены на столе посередине, коих было штук двадцать. Все выглядело именно так, как он бы не хотел видеть, – обыденно. Спутать это место с любой другой брошенной лабораторией было легко, даже не говоря об отсутствии какого-либо классического атрибута обезумевших обитателей: все чисто и лаконично. Есть два матраса в правом помещении, небольшой провиант на столе, вода и испорченная еда, какие-то запасы средств гигиены и туалетной бумаги. Картина была построена так, словно подобную подготовку к долгому пребыванию начали проводить совсем недавно, но не успели даже обжиться, как исчезли. От пустоты у него стали зарождаться в бешеном темпе объективные страхи, питаемые его жертвами к этой цели: «Неужели весь путь был проделан зря? – думал Портер, осматривая застывшую во времени постановку. – Что если они просто улетели, когда все стало накаляться, и от этого более не было ни писем, ни аудио и видео?» Но самое страшное пришло в тот момент, когда он вдруг стал ощущать давление стен, будто декорации, созданные его обезумевшей фантазией, самолично решили заявить о себе как об окончательной потере Портером связи с реальностью: что если весь путь был придуман им ради того, чтобы и вправду игнорировать свою возможную бессмысленность на Векторе? Ведь тут нет ничего, а он все так же один.

Портер ходил кругами, стараясь выкинуть из головы болезненные мысли, дав волю которым легко найти все доказуемые факты в пользу их правоты, отчего ему становилось больно практически на физическом уровне. Не находя себе места, оставив оружие и все содержимое карманов на столе, даже скинув куртку, Портер пытался отдышаться и не позволить рукам вновь стать инструментом гнева. Неожиданно он заметил компьютер напротив спален, прямо у дальней стены. Нижняя панель с электронной клавиатурой была спрятана под детской курткой, а экран на стене просто не работал из-за плохого освещения этой стороны. Портер все осмотрел быстро, словно от его скорости зависел результат. Повреждений замечено не было, и он включил его, действуя инстинктами на опережение ума. Большой экран ярким светом ударил в глаза, осветив почти половину комнаты. Надпись гласила о восстановлении системы, на что потребуются немного времени, если только строка состояния не обманывает.

– Ты занимаешься самообманом всю свою жизнь, и я бы был горд тем уровнем развитости в этом вопросе, если бы это было лучшим, на что ты способен. Но это не так, жаль, что ты настолько упрямый, раз не можешь понять этого.

Портер не подал виду, хотя со стороны любой бы заметил замкнутость, с которой обычно не хотят слышать правдивые обвинения, но слушают их до последнего, создавая плохую видимость наличия контроля.

– Все как обычно, ты думаешь, что сможешь все исправить, все починить и вновь продолжить оправдывать свое существование уникальной ролью рассказчика, единственный в этом мире, способный повествовать миру правду... А что если ты не сможешь починить компьютер, через который отправлял данные? Компьютер, который уничтожил в приступе гнева перед выходом из клетки, как ты окрестил ее для себя? Об этом ты пока не думаешь, рано еще, верно? Иначе будет вина, иначе придется вспомнить позорный для тебя момент слабости.

ГЛАВА 12

Компьютер перезагрузил систему и крикнул об этом Портеру, придав тому чуть-чуть трезвости. В комнате без света из монитора бил яркий поток, красиво рассеявший тьму в воздушном пространстве.

Портер все стоял на месте, не способный пошевелиться: ведь последние слова отца были правдой, здесь нет повода сомневаться или искать манипуляцию. В порыве неконтролируемого гнева он уничтожил весь компьютер в своем убежище, явно прервав передачу сообщений, как и любых сигналов. Он не знает, как будет это чинить, как и не знает дальнейших своих действий по этому вопросу – возможно, искать запчасти для ремонта или же передислоцироваться. Но вот будет ли на это время? Страх разочарования перед самим собой почти парализует Портера, заставляя представлять ту боль, ту жалость и гнев в свой адрес, если его цель окажется пустышкой. Он так боится оказаться ни с чем, что всерьез подумывает не изучать материалы, оставив их в тени, тем самым позволив фантазии достроить картину мира так, как это необходимо для выживания. Узнать о бессмысленности его пути будет таким же болезненным и разрушительным, как и обесценивание всех его трудов на Векторе ради великой цели рассказать людям правду. Цели, за которой стоит его желание быть первым и лучшим, доказывая это всем вокруг, а главное – себе, путем преодоления любых трудностей и преград, жертв как личных, так и чужих.

– Как часто ты думал о том, что за все время пребывания на Векторе ни разу перед тобой не появились твои так называемые друзья? Хотя они ведь для тебя были не друзьями – лишь инструментом на пути к достижению твоих самовлюбленных целей. Маргарита и Уолтер – еще помнишь их? Погибшие из-за тебя люди. Смею заключить, их жертва так же приемлема и так же необходима для общего блага, которое лишь ты видишь и лишь ты можешь привнести в этот мир. Ответь, почему ты видишь маму, видишь меня и даже мальчика, покончившего с собой в психиатрической больнице, не выдержавшего гибели любимой мамы от рук злоумышленников прямо посреди улицы, – но ни разу за все время не было Уолтера или Маргариты? Они ведь такие же жертвы твоих эгоистических решений, как и все остальные.

Момент неожиданной ясности, вырвавший его из паутины смятения, был не просто спасательным крюком, за который он яростно схватился, а послужил тем самым фундаментом, от которого он оттолкнулся и сделал шаг вперед. Его сильная сторона была в том, как легко он находит силы в момент слабости, критики, обвинений или вызова, бросить который в доказательство своей правоты он готов всегда и в любое время, лишь бы доказать значимость.

Портер молча подошел к компьютеру и ввел в поиске упоминание имени сына Джил и Крейга. Молча, чуть ли не на автомате, он просто делал то, ради чего пришел, ведь в такой момент нельзя позволить сомнениям взять вверх снова. Это был момент обратной психологии, и странно, что отец не знал, как его сын реагирует на подобное, думал Портер в этот момент. Ведь не раз, еще ребенком, он проявлял непоколебимое упрямство и, даже когда заведомо понимал свой проигрыш или неудачу, не мог просто согласиться на поражение – лучше самому упасть рожей в грязь, нежели послушаться предупреждения. Этот момент манипуляции был крайне очевиден даже воспаленному уму Портера, и это точка невозврата, ведь отец – не воспоминание, он – галлюцинация, не имеющая с воспоминаниями одной логической связующей, делающей его именно тем, кем он был в памяти Портера.

В данных хранился полный отчет об их работе над проектом «Н. И. К.». Названный в честь их десятилетнего сына проект касался ребенка напрямую, ведь был полностью основан на нем. Причем, как подметил Портер, неофициально. Джил и Крейг действовали самостоятельно, во всяком случае они не упоминают помощников или иных участников, но сомне-

ваться в том, что у них все же были доверенные люди, а может, и покровитель, нет смысла. Вся их работа была основана на изучении инородной жизни, в частности – генетическом влиянии на человека. Первым и единственным подопытным был Никита – их сын. Он умирал. Какая-то генетическая болезнь не позволила бы ему прожить даже порог совершеннолетия, и отчаявшиеся родители, любившие сына всем сердцем, решились не тратить чрезмерное время на теорию, а начать сразу с практики. Состояние мальчика стало сильно ухудшаться, времени становилось все меньше, и это не учитывая назревавший карантин, ввод которого повлек за собой в итоге множество смертей самым немислимым и страшным образом. «Полевые испытания», как окрестили это в узких кругах тех людей, кто смотрел на все со стороны, веря в вынужденную жертву тысяч сейчас ради спасения миллиардов потом: все же угроза планетам и орбитальным городам была тогда на слуху в узком кругу. Родители ускорились по многим причинам, главная – сыну стало внезапно хуже, и если не помочь ему сейчас, то потом шанса может и не быть, ведь покинуть Вектор с больным ребенком немисливо для всех. Риск распространения инопланетной Жизни за пределы станции был велик, и пойти на него никто адекватный не мог, а Джил и Крейг были примерами для подражания. Да и что уж там, если они не смогут вылечить сына здесь, то уж точно шансов за пределами Вектора нет, иначе они бы знали о них. Не раз они задумывались, кого спасают: человечество или сына. Будут ли готовы продолжить работу, если их ребенок не выживет? Ответа на подобные размышления Портер в записях не нашел. Но что сразу бросилось в глаза, так это упоминание необходимости времени для адаптации созданной вакцины. Проверить в сию же минуту штамм не было возможно, ведь процесс лечения требовал времени, из-за чего они решили поместить сына в криосон. К тому же мальчику стало вдруг хуже, оказалось, что счет шел уже на дни. Они погрузили его в капсулу и заморозили, не только остановив болезнь, но и дав возможному лекарству время для адаптации, да и холод помог сбавить температуру, из-за которой мог не сработать созданный штамм. Последняя запись была четыре года назад.

Портер открыл запертую дверь, ту, что слева от входа, и увидел ожидаемое: три криокапсулы симметричны в ряд, занимавший всю дальнюю стену от края до края. В самой левой он увидел тело мальчика, подключенного ко всем аппаратам, с дыхательной маской и контролем его жизнеобеспечения, выводящим показатели на саму крышку капсулы, нижняя часть которой была цельной, а верхняя половина – прозрачной. Никита был жив! Все эти годы, застывший в одном возрасте, в одном положении, чуть ли не стоя, он закреплен на мягкой поверхности, как бы вися в воздухе. Когда мальчик ложился сюда, Вектор еще был той станцией, где не было надобности убивать и выживать. «Немыслимо!..» – думал Портер. Они заперли его здесь ради спасения от смерти, но сами сейчас неизвестно где, и, как он может судить по количеству прошедших лет, его родители вряд ли смогли выжить. Или же они бросили его, что также кажется немислимым, судя по тому, как много они делали для спасения единственного сына. За все годы никто так и не попал сюда, никто даже не знал об этом эксперименте с живым человеком, ведь родители все делали тайком, боясь за будущую жизнь их единственного ребенка. Никита даже не знает о событиях последних лет, и страшно представить, как повлияет на него тот мир, в котором он очнется – один, без родителей, зная, что его бросили в бескрайнем космосе.

Если бы Портер не пришел сюда, то ребенок так и погиб бы здесь один, даже не зная, почему и как. Неизвестно, как долго проработали бы еще все эти системы, не имея технических проверок, не говоря уже о том, что простейший перебой с электричеством мог повлечь за собой страшные последствия. Легко увидеть в этом судьбу или же правильно расставленную декорацию с активными элементами, ведь как раз недавно Портер узнал о надвигающейся смерти. Но все же факт остается неизменным: мальчик здесь, один, он жив, и в его венах течет лекарство от Жизни – той, что царила на Векторе. Лекарство, которое может... которое должно спасти Портера от смерти и дать ему время и силы продолжить великий труд на Векторе, не

позволив всем жертвам быть напрасными, даже если придется принести еще одну. Вот оно – спасение которое он заслужил, которое не получил бы человек более слабый, покладистый или менее эгоистичный, чем он. Цепь событий в его жизни привела его к тому, что он вновь сможет продолжить свою работу, ведь будет время для починки компьютера, дабы мир, такой далекий и почти чужой, все же узнал правду о Векторе... Узнал, благодаря упрямому журналисту, кто не только чужими жертвами, но и своей повлиял на жизни живых, рассказав им правду, и на жизни тех, чья смерть наконец-то обретет смысл, как и жертва ребенка окажется важной для куда большего, чем сам малец никогда не сможет понять, и все это – заслуга Портера.

– Ты не видишь Уолтера и Маргариту, потому что не хочешь, потому что боишься. Вместе с их появлением появится и шанс извиниться перед ними за их смерть, неожиданно возжелать прощения, а чувство вины может пересилить трезвость мысли, отчего придется признать свои ошибки, что для тебя крайне трудно. Невероятно упрямому и самовлюбленному ребенку, который готов следовать ярлыку, навязанному окружающими, если это будет легче, если этим можно позлить их. Ты даже не удосужился написать об их смертях, игнорируя жену и детей Уолтера, которые наверняка считают его пропавшим без вести. Ведь ты запретил кому-либо рассказывать о цели и пункте вашего пути, потому что не мог допустить просачивания этой затеи, авось кто опередит, так ты думал, меркантильный урод. А Маргарита? У нее мама и сестра, но тебе и на них плевать, пусть живут в неведении, пусть гадают и страдают от неизвестности судьбы, верно? За это ты и ценишь кошмар почти каждую ночь, ведь он закрепляет в тебе уверенность в правильности своих решений. Но ведь мир жесток, не ты в этом виноват, так ты думаешь и всегда думал. Ты даже не признаешь окончательно их смерть, тебе проще забыть, проще считать их лишь вынужденной жертвой, коих всегда было и будет много на пути к великому. Извинившись перед ними, тебе придется признать свою слабость и свои ошибки, обесценив их жертвы, – а это будет означать разрушение твоих устоев и взглядов на мир, которыми ты защищаешься всю свою жизнь, игнорируя в полной мере последствия и чувство вины. Лучшим среди худших тебе всегда было проще, нежели худшим среди лучших.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.